

ВОЖДЬ ВИКИНГОВ

Автор:

Александр Мазин

Вождь викингов

Александр Владимирович Мазин

Викинг #4

Ульф-хёвдинг. Теперь его зовут так.

Ульф Вождь. Его корабли идут к английским берегам в составе эскадры Ивара Бескостного, будущего завоевателя Британии. Его воины берут железную дань и у англичан и у норвежцев. Его невеста – прекраснейшая из женщин Дании.

У него есть всё, о чем может мечтать воин...

Надолго ли?

Александр Мазин

Вождь викингов

© Александр Мазин, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

В бане было... Как в бане. То есть жарко. Правильную температуру поддерживали разогретые камни, которые, по мере остывания, заменялись новыми, раскаленными. Этим, естественно, занимались рабы, и они старались, потому что рассердить Рагнара-конунга – это очень страшно. Но еще страшнее, если нерадивый трэль удостоится недовольства его сына Ивара. Тогда лучше сразу – головой об эти самые камни.

– Летом – не то, – лениво пробасил Рагнар. – Вот зимой – да-а-а... Да потом – в ледяную воду...

– А мне и летом хорошо, отец, – старший сын великого конунга махнул рукой, и девка шустро подлила горячей воды в таз, в который были опущены ноги Ивара Бескостного.

Подлила и залюбовалась: ох и красивы оба, что сын, что отец. Рагнар – помощнее, пошире. Тяжелые, покатые плечи, испещренные рунами и картинками, таят чудовищную силу. Говорят, великий конунг может быку шею свернуть, ухватив за рога. Живот у конунга гладкий, подернутый жирком, – хорошо кушает хозяин Роскилле, да и пьет не меньше. Потому что богат безмерно. А зачем богатому отказывать себе в удовольствиях? Нравится девке Рагнар-конунг. От такого сына родить – великий воин будет. Но безразлична банная девка Рагнару. Не про нее великий конунг данов.

Ивар, сын Рагнара, тоже красив. И молод: может, двадцать зим, может, двадцать пять, девке неведомо. В плечах широк, почти как отец, но жира на нем – ни капли. Бугрятся, переплетаются мощные мышцы под белой кожей. Все – на виду. Живот – как из плит каменных, на животе – дракон свернувшийся.

Двигается Ивар – двигается и дракон. Рисунок свежий, раньше его не было. Глянул Ивар на девку... И вдруг подмигнул. Девка обомлела, едва ковш не уронила. Нет, от Ивара она сына не хочет. Страшно с таким любиться. Даже и подумать о таком. Отводит девка взгляд. Раньше она другой была: веселой, дерзкой... За дерзость ей прежний хозяин язык и вырвал. Зато теперь конунги могут говорить при ней о важном. Никому не расскажет.

– Есть у меня дело для тебя, сын, – говорит Рагнар, почесывая спину скребком. – Хочу, чтоб ты в вик[1 - Вик – поход. Военный. Как правило, разбойничий.] сходил.

– К франкам?

Рагнар качает головой, ловит и давит вошь в бороде.

– Не к франкам. Зачем стричь овцу, у которой шерсть не отросла. Англия – вот твоя цель. Пощупай, есть ли жирок у тамошних свинок. Стоит ли браться за них всерьез?

– Нореги берут, – замечает Ивар.

– Нореги не мы. Нореги поросеночка украдут – и довольны. А я заберу всё стадо. Но сначала разведать надо. Земель много, не всякая нас достойна.

– Я сделаю, отец, – говорит сын.

Этого довольно.

Рагнар с удовольствием глядит на сына. Истинный Инглинг. Под рукой отца ходит, но советы отцовы ему больше не нужны. Своя голова, своя сила. Один[2 - Один – главный бог скандинавского пантеона. Одноглазый, беспощадный, коварный... И мудрый, что характерно. Желаящим узнать его поближе, рекомендую поинтересоваться, при каких обстоятельствах Один остался без глаза. Ах да. Его еще называют Отцом Воинов. И Отцом Лжи. А любимые его птицы – во?роны.] его любит. И Рагнар его тоже любит. А он – отца. Хорошие сыновья уродились у Лотброка, любят его боги Рагнара Сигурдсона...

Глава первая,

в которой новоиспеченного хёвдинга Ульфа Черноголового приглашают в гости к конунгу

Когда посланцы Ивара Рагнарсона въехали в ворота моей усадьбы, я занимался важным делом: сидя на скамейке у крылечка собственного «длинного» дома, осуществлял общее руководство тренировкой моих будущих дренгов[З - Дренг в данном случае – младший боец скандинавской дружины-хирда.]. Руководство непосредственное я делегировал Скиди. Тренировка – дело ответственное. Требует от непосредственного руководителя немалых физических усилий. Несolidно как-то для «целого» вождя-хёвдинга самолично дубасить тинейджеров-кандидатов. Так что я не гонял новобранцев сам, а поручил сие важное действие моему «главному ученику» и полноценному дренгу Скиди Оддасону. То есть я всю пользуясь преимуществами, которые дает звание вождя. А я и есть вождь. Ульф Вогенсон по прозвищу Черноголовый. Так меня зовут здесь, на средневековом острове Сёлунд, мои друзья и недруги, суровые скандинавские викинги. По моим прикидкам, сейчас где-то середина девятого века нашей эры, а родился я существенно позже, в конце века двадцатого. И там меня звали скромнее: Николай Григорьевич Переляк. Однако сейчас я здесь. И не жалею. Сбылись мечты... Мои, короче. Из времени, где каждый сам за себя и один лишь президент... за все финансовые потоки, я попал в мир, где целая толпа очень достойных людей запросто рискнет собственной жизнью, чтобы спасти мою. И я сделаю ради них то же самое. А еще у меня есть прекрасная невеста, собственный корабль и меч, который принес мне всю эту роскошь. Никакого волшебства. Разве что немного удачи. Это потому, что местные боги ко мне благоволят. Так говорят здешние специалисты, и у меня нет оснований им не доверять. Тот удивительный факт, что я жив и счастлив, сам по себе – отменное доказательство моей потрясающей везухи. Так что я действительно счастлив.

Но вернемся к моему лучшему ученику.

Скиди, сын Одды-хёвдинга. Сирота. Папа погиб лет шесть назад, мама умерла еще раньше. Но не спешите выражать юноше сочувствие. Лучше посочувствуйте его врагам. В свои шестнадцать юный Оддасон выше меня на полголовы и орудует мечом на пядь длиннее моего Вдоводела. Что же до взрослости, то, в отличие от меня, всё еще ходящего в женихах, Скиди – полноформатный муж.

Его жена Орабель – дочь французского барончика, когда-то считалась моей наложницей, но уже почти два месяца состоит со Скиди в законном браке, и одно только ее приданое тянет на три таких гренда[4 - Небольшое поместье.], как мой.

Однако, несмотря на свой немалый социальный статус, молодой Оддасон – мой ученик и пребудет в этом качестве, пока я не решу иначе. А следовательно, парень делает то, что я велю. Велено ему гонять по моему просторному двору восьмерых потных недорослей, своих ровесников, – гоняет. А поступит команда, скажем, надрать им задницы ремнем, надерет без вопросов. То есть сначала надерет, а потом вежливо поинтересуется: в чем смысл экзекуции?

Смысл же нынешней тренировки очевиден. Молодняк уже часа два потеет, вновь и вновь повторяя маневр, который можно определить как «поворот в плотном пешем строю во время атаки».

Звучит знатно. Выглядит куда менее внушительно: семь раскрасневшихся датских пареньков и еще один словенский, такой же распаренный, бодрой рысью, пыхтя и громко топяя, несутся сначала в одну сторону, потом по команде разворачиваются и галопируют в указанном Скиди направлении.

Главная трудность маневра заключалась в том, чтобы не размыкать строя, – это раз, и не «обнажать» фланг – это два.

Строй в этом средневековом мире – это наше всё. Кто держит строй, тот жив, кто не держит – удирает во все лопатки, а победоносный враг норовит продырявить эти лопатки всяким острым железом.

Само собой, в любом правиле есть исключения. Например, когда ты – берсерк. Но будь ты хоть сам инеистый великан – когда на тебя обрушивается ливень стрел и обвал копий, ты очень быстро перемещаешься из Мидгарда, то бишь мира срединного, повыше или пониже. В зависимости от того, как отнесутся местные боги к твоей покинувшей тело душе. Но пока ты в строю, под защитой собственного и дружественных щитов, есть надежда, что твое место за праздничным столом Асгарда еще некоторое время попустует.

Эту простую истину знали еще древние римляне чуть ли не за тысячу лет до рождения великого конунга Рагнара Лотброка. Воткни во вражеский щит пару-

тройку увесистых дротиков-пилумов, и рука, держащая этот самый щит, очень скоро притомится и опустится, вскрывая строй так же верно, как удар закованного в железо всадника. А за щитом даже такой криворукий подросток, как Нотт Поросенок, получает свой шанс на еще раз поужинать. Пока держит строй, разумеется.

Правый фланг короткой молодежной шеренги замыкал Ренди Черный, родной брат Свана Черного, хирдмана самого Бьёрна Рагнарсона.

Спросите: почему в таком случае братец Ренди – у меня? Всё просто. Сван попросил своего родственника и моего побратима Свартхёвди Медвежонка взять недоросля на воспитание. Тут так принято.

Ренди пока еще не воин. Заготовка. А на правом фланге стоит не потому, что обогнал прочих в росте, а потому, что левша. Следовательно, щит у него – в правой руке. И прикрывать им правый же бок – сподручнее.

На левом фланге – мой протеже и названный сын Вихорёк, принятый в род под именем Виги. Самый мелкий из молодых. Вдобавок словенин, а не дан. Да еще – из рабов бывших. Вот почему остальные, коренные сёлундцы из «хороших» семей, держат парнишку на дистанции. Нет, не угнетают. Еще чего не хватало! Но в команду не принимают. А это, даже если отбросить всякую личностную часть, плохо для дела. И сейчас тоже сказывается. Между Вихорьком и остальными нет синхронности, и по этой неуважительной причине между Вихорьком-Виги и его соседом Гренделем Улиткой постоянно образуется зазор...

И Грендель уже в третий раз получает каменюкой в бочину, так как обучение под руководством Скапи носит сугубо прикладной характер. Во всех смыслах.

Тем не менее прогресс очевиден. Поначалу мои будущие дренги вообще копьями путались. Работа в строю – дело непростое. Уж кто-кто, а я об этом отлично знаю, потому что сам поначалу работал в строю, «как жердина от коровьего загона», по меткому выражению нашего вождя Хрёрека Сокола.

Но я отвлекся. Итак, четверо незнакомцев появились на моей земле ближе к полудню. Я углядел их, едва они выехали на пригорок. Четверо верховых. Грозных не по-детски. В доспехах и шлемах, несмотря на жару.

Однако, когда незваные гости въехали во двор, я понял, что железо они напялили недавно – даже вспотеть толком не успели.

Тоже неудивительно. Защиту здесь надевают в трех случаях: непосредственно перед дракой, двигаясь по опасной местности или же для форсу. Дорога здесь безопасная, а нападать на меня, в моем собственном доме, всего лишь вчетвером – нерационально.

Так что я уверенно выбрал третий вариант.

Лидер четвертки – настоящий тролль с виду. Причем далеко не бедный тролль. Доспехи на нем очень даже недешевые. И можно не сомневаться, что напялил он не более десяти минут назад. Да и копьё к седлу громила приаттачил, то есть приторочил тоже недавно. А до того, готов поручиться, всё это добро ехало вон на той заводной лошадке, ибо под такой тушей да еще с таким количеством металла тот конек, что сейчас под ним, пробежал бы от силы пару миль. А эти крушители черепов небось из самого Роскилле чешут. Только там такие «тролли» и водятся. В хирдах Рагнара-конунга и его кровожадных... прошу прощения! Его славных сыночков.

Громила остановил лошадку в пяти шагах от меня. Вдумчиво оглядел истекающих потом молодых. С седла. Неопределенно хрюкнул. Затем спешился.

Его спутники поступили аналогично. Судя по тому, как они это сделали, лошадей эти громилы рассматривали исключительно как транспортное средство. Убивать они, как и подавляющее большинство викингов, предпочитают на своих-двоих. После моих французских приключений я в таких делах разбираюсь.

Когда к тебе домой приезжают четверо незнакомых головорезов (никого из четверки я не знал, но их матерость в сфере смертоубийства совершенно очевидна), то даже такому авторитетному в здешних краях человеку, как я, следует держать ухо востро...

Опаньки! А значки-то у них – знакомые. Меня «осчастливили» визитом славные хирдманы Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. Почему – славные? Да потому, что Ивар других не держит. Только самых-самых.

Ивар ко мне благоволит. Не скажу что я этому факту рад, но всё же так значительно лучше, чем ходить у Бескостного в неприятелях. Потому что те, кто несимпатичен Ивару Рагнарсону, делятся на две категории: те, кто уже на том свете, и те, кто вскорости туда отправится. Причем первую категорию можно считать везунчиками. Ивар – высочайшего класса специалист по вопросам умерщвления. Подходит к этому делу творчески, а творчество викингов в данной области... Короче, не дай Бог...

Итак, Ивар мне – благоволит. Проблема только в том, что рядом с ним мне хочется превратиться в маленького дождевого червя и закопаться на три метра в грунт.

Но это, так сказать, личное. К делу не относится. Отец Воинов Один велит нам привечать гостей, независимо нашей к ним симпатии. Гости положено пригласить в дом. Накормить-напоить, в постельку уложить. А после выделить сухой паек на дорожку.

Однако и гость должен быть вежливым. Представиться. Попросить по-хорошему. Короче, проявить уважение и скромность. Что тоже отмечено в «божественных» инструкциях.

Человек-тролль из Иваровой дружины, судя по всему, хорошим манерам не обучался.

Подошел вплотную, навис надо мной, аки железная башня, и рывкнул без всяких политесов:

– Ивар Рагнарсон хочет тебя видеть!

Вот так сразу, на пороге моего дома. Никакого уважения. Нет бы спросить вежливо: как здоровье хозяина, его скота, его домочадцев?

Я в курсе, что таким, как этот носорог, вежливость не свойственна. Но здесь не какая-нибудь Франция, где рыцари герцогов-графов могут глядеть на прочих как на мусор. Здесь вольная датская земля Сёлунд. Причем этот кусок ее – лично мой. Так что извольте, господин тролль, проявить ко мне уважение.

Не отвечаю. Гляжу на Иварова хольда с характерным выражением: «А ты что такой?»

«Троль» крупнее меня раза в два. А в доспехах и во все три.

На мне доспехов нет, только меч у пояса (как же без него), моя репутация (не может «троль» о ней не знать, в Сёлунде о ней все знают) и Закон.

Хренушки он мне что-то сделает. И не потому, что во дворе – моя вооруженная молодежь. Все они, включая Скиди, такому – на один зуб.

Но если «троль» со своими попытаются меня беспричинно избить (что технически возможно), то потом им придется быстренько освободить землю нашего острова от своего присутствия. А возможно – и всю территорию Дании, потому что даже простого вольного бонда обижать нельзя, а уж такого как я – и вовсе. Разве что сам Ивар может. Но и он не вправе требовать, чтобы я примчался к нему, поджавши хвостик. Он может только просить.

Хотя таким, как старший Рагнарсон, отказывают только психи. Или другие конунги. А я пока что не конунг, а свежеслушавшийся вождь дружины, в которой не наберется и десятка полноценных бойцов. Нет, я не отказываю. Я молчу.

«Троль» тоже молчит. Демонстративно облизывается. Намекает, что неплохо бы ему горлышко промочить. Попьет – и станет уже не потенциальным, а состоявшимся гостем. Со всем нашим уважением.

Но я намека не понимаю. Стою в дверях, держа рожу кирпичом. Представляю, каким меня видит этот громила. Мелкий чернявый волчишка, растопырившийся на дороге медведя. Сушья мелочь... А не сдвинешь.

Молодняк прекратил тренировку. Глазеют. Ага, Скиди подозвал Вихорька, сказал что-то – и паренек, положив копьё и щит, ломанулся в сторону берега.

Это правильно. На берегу сейчас Свартхёвди, Ове Толстый и Стюрмир кораблю нашему техобслуживание делают. Им стоит знать, что у нас – гости.

Громила шумно вздохнул, гулко откашлялся... И наконец соизволил представиться. Гримар Скаммхальс. То бишь Гримар Короткая Шея. Короткая Шея – это ему кто-то польстил. Лично я у него вообще шеи не увидел. А что, неплохо звучит. Гримар Бесшейный, хольд[5 - Напомню для интересующихся градацию уровней внутри скандинавской дружины-хирда. Младшие, дренги, примерно соответствуют нашим отрокам. Следующий уровень – хускарлы. За ними – хольды. Эти – вроде десятников. За хольдами – хёвдинги-вожди. Что-то вроде сотников. Впрочем, хёвдинги могут действовать и самостоятельно. Также этот термин означает юридически значимого человека, Законоговорителя... Специалисты наверняка оспорили бы мою «табель о рангах», поскольку единого мнения о том, что именно значил, например, термин «хускарл» в описываемое мною время, у историков нет. Но для удобства себя и читателя я предлагаю остановиться именно на таком варианте.] Ивара Бескостного. Гримар, кстати, это от грима. Так называется та часть закрытого шлема, что личико закрывает. Защита. Гримар, получается, защитник. Ну да, в хоккее он бы в роли защитника выглядел уместно. Хрен проскочишь. Но по жизни я бы его в нападающие взял. А лучше – самоходным тараном. С такой комплекцией не двери – ворота выносить. Приплюснутая, похожая на репу голова вырастает прямо из бугрящихся немереной мышцей плеч, а подбородок, размеры которого не в силах спрятать даже кудрявая бородаща, лежит прямо на бочкообразной груди. Голос у Гримара – соответствующий. Гудит, как из бочки:

– Ивар-р! Р-рагна-ар-рсон! Хо-очет!..

Хочет, значит, видеть меня Одинов любимчик. Вопрос: а я хочу его видеть? Ответ: ни малейшего желания. Мне и дома неплохо. Опять-таки невеста у меня красы неопишуемой. Любушка моя Гудрун... Как раз вышла поглядеть, кто тут к нам в гости набивается.

Ух как этот Гримар на нее вылупился. Аж пальцами шевелит, так сграбастать хочется. Но – нельзя. Не в вике, чай. На Сёлунде закон строг. И главный гарант его – папа Ивара Бескостного, легендарный конунг Рагнар Лотброк, первый разбойник, ах, прошу прощения, первый воитель этого средневекового мира.

– Горло промочить... – рычит посланец Ивара.

Обычай есть обычай. Гудрун срывается с места, набулькивает полный ковш пива... И я перехватываю у нее ковш и самолично подаю его человеку Ивара.

Выражение глубочайшего разочарования легко читается на этом, с позволения сказать, лице.

Еще бы! Если гостю подносит ковш дева, то после испития следует поцелуй. Так по обычаю.

А вот хренушки! Нечего всяким троллям мою невесту сальными губищами мусолить. Тем более – лапами хватать.

Но пиво – доброе. По мнению многих – лучшее пиво на Сёлунде. Так что после исчезновения полулитра напитка в волосатой пасти хольда лик его, сходный с резными рожами местных зверообразных идолов, обретает умиротворенное выражение.

– Х-ха! – со вкусом выдыхает он, благодарно рыгает и перемещает внимание с соблазнительных бедер моей невесты на покоящийся у очага бочонок. Да, я впустил их в дом. Теперь они – мои гости.

И мне положено предложить гостю откусать с дороги. Что я и делаю.

Хольд реагирует позитивно. Взгляд его то и дело косит в сторону бочонка.

Красавица Гудрун улыбается. Ей нравится Гримар Скаммхальс. Еще бы! Разодет могучий хольд в шелка и отменно выделанную кожу. А уж сколько на нем драгметаллов! А оружие какое! А пояс!..

Улыбка делает Гудрун еще прекраснее. Если такое возможно. Медвежьи глазки опять берут на прицел мою невесту... Но пиво опять перетягивает, и взгляд смещается в сторону бочонка... И опять – на Гудрун. Пусть себе глазеет. И завидует.

– Не откажутся ли славный Гримар-хольд и его люди разделить с нами трапезу? – повторяю я.

Предложить перекус – это по обычаю. А еще – политический ход с моей стороны. Спроси я Гримара напрямик: какого хрена надо от меня Ивару – он бы наверняка ответил: вот у Ивара и узнай. А под пиво, да под угощение, да под

восхитительную улыбку Гудрун «тролль» наверняка разомлеет и выдаст какую-нибудь полезную информацию.

– Хавчик! – рявкаю я.

Мой шустрый раб появляется через полсекунды. Только и ждал, когда позовут.

– С обедом распорядись! – командую я.

Собственно, вопросы приема пищи – это теперь дело Гудрун.

Но Хавчик сообразительнее и расторопнее. И сделает всё не как только, так сразу, а вовремя. То есть когда подтянутся мои люди. Таким, как этот хольд, полезно осознать, что Ульф Черноголовый – не простой хускарл, а вождь. С пусть и небольшой, но вполне боеспособной дружиной.

Потому что Закон Законом, но право силы никто не отменял. А для таких головорезов, как Гримар и его хирдманы, закон, авторитет и реальная сила гораздо лучше, чем только закон и авторитет. Жаль, что мои нореги нынче оттягиваются в Роскилле.

Впрочем, и без норегов за моим столом соберется неплохая компания. Свартхёвди Медвежонок. Мой названный брат и родной брат Гудрун.

Ове Толстый. Коренной датчанин из хорошего рода, могучий боец и мой личный кормчий.

Стюрмир. Простой, как удар секирой по черепушке. Зато – с личным богом за пазухой: статуэткой Будды, восседающего на лотосе. Нет, не буддист. Нормальный средневековый викинг. Друг.

И конечно, Скиди, единственный сын Одды-хёвдинга, трагически погибшего во время игры в мяч от рук самого Сигурда Рагнарсона. Никаких претензий со стороны семьи погибшего. Несчастный случай. А Рагнарсон даже верегельд, то бишь выкуп за убийство заплатил, хотя мог бы и обойтись. Потому что – игра. И потому что – Рагнарсон. Сыновья Рагнара Лотброка платят верегельд только тогда, когда сами желают. К примеру, Ивар Бескостный, который ныне

возжаждал меня видеть, не платит верегельд принципиально. Хотя убивает частенько. И, как сказано выше, – с изоощренной фантазией.

Обычно со мной за столом сидят и другие: отец Бернар, англичане Дикон с Уиллом, сарацин Юсуф, Вихорёк... Не сегодня.

Это мой дом, и я вправе сажать за стол кого пожелаю. Однако наличие за общим столом, к примеру, монаха наверняка вызовет непонимание у хускарлов Ивара.

Здесь, на Сёлунде, считается, что хороший монах – это монах ободренный до нитки и повешенный на древо. На радость Одину. К англичанам и сарацинам славные датские викинги относятся лучше. Не вешают, а используют для хозяйственных работ. В свинарнике, например.

У меня тоже есть рабы. Достались как приложение к поместью. Надо ж кому-то и свиньями заниматься.

Мои англичане на роль свинопасов не годятся. Слишком хорошо из луков стреляют. Тем не менее за один стол с Гримаром я их сажать не буду. Лучше не надо.

– Гримар! Бык волосатухий! – Свартхёвди ввалился в дом и сходу треснул посланца Ивара кулачищем в грудину. Кулак не пострадал. Грудина – тоже. Под ярким шелковым «жилетом» у Гримара – панцирь с поддоспешником.

– Медвежонище! – Пасть хольда распахнулась в щербатой улыбке. Искренней.

Бум! Это уже Свартхёвди долбанули в грудную «бочку».

– Так и знал, что тебя увижу! – прогудело из «бочки». – Ты обманул меня! Обещал отдать сестру мне, а теперь что я вижу?

– А видишь ты моего брата Ульфа Вогенсона! – осклабился Медвежонок. – Хотя он такой маленький, что его можно и не заметить!

Шутник, блин.

– Он достаточно велик, чтобы его заметил Ивар Рагнарсон, – рокотнул Короткая Шея.

Свартхёвди враз посерьёзнул.

– Ивар?

– Я теперь – его человек, – сообщил Гримар. – Харек Младший мне больше не по нраву.

Харек Младший (Младший – чтоб не путать с предыдущим, уже отошедшим в мир иной) – главный конунг Дании. Большой человек.

Но не для Рагнарсонов.

– Понимаю, – кивнул Медвежонок. – С Иваром-то – повеселее. – И уже мне, указывая на Гримара: – Родич наш. Сын племянника жены деда младшего брата моего отца.

Без запинки выговорил, однако.

О как! По здешним понятиям, Гримар – близкий родственник. Медвежонка. И следовательно, мой. Теперь нам положено обняться? Нелегкое будет дело. Тулово у Короткой Шеи – в два моих обхвата. А в доспехах – все три.

– А сестра твоя еще краше, чем я думал, – пророкотал Гримар. – Знал бы, давно уж посватался. Меня он что, игнорирует?

– Женихов у Гудрун хватало и поважней тебя! – засмеялся Свартхёвди. – Ты, Гримар, скажи лучше, что Рагнарсон хочет брату моему предложить. Сам-то Ульф не спросит, потому что – гордый. Что ему с каким-то хольдом разговаривать, а вот мне интересно.

– Да я и сам не знаю, – прогудел Короткая Шея. – Конунг сказал: «Пойди и скажи Ульфу Вогенсону, что я хочу его видеть». Он велел, я пришел и сказал. Значит, не стоит мне свататься к твоей сестре, Медвежонок?

– А сам как думаешь? – удивился Свартхёвди. – Гудрун – обрученная невеста Ульфа. Живет в его доме, свадьба – осенью.

– Ага, – человек-тролль уставился на меня. Я, кажется, слышал, как прокручиваются у него в башке мысли. Медленно, со скрипом, будто жернова водяной мельницы.

Прокрутились. Перемололи.

– Я бы поел, – резюмировал Гримар-хольд. – Что не зовешь, хозяин? Или не уважаешь?

Вообще-то я звал. Только что. А вот хамить мне не стоит. Даже троллям.

– Если тебе что-то не по нраву в моем доме, я тебя не удерживаю, – ледяным тоном произнес я.

– Эй, братец! – возмутился Свартхёвди. – Разве можно гнать гостя, тем более – родича?

– А я его и не гоню, братец! Но родич, который станет указывать мне в моем доме, рискует остаться голодным. К тебе это тоже относится.

Медвежонок уставился на меня. Попытался въехать: шучу я или всерьёз?

– Ты, братец, посторонись, – попросил я. – Дай войти уважаемым людям!

Стюрмир и Ове Толстый.

– Ха! – воскликнул Ове. – Гримар! Ты что тут делаешь? Как дела у Харека-конунга? Можешь ему передать, что мы теперь тоже любим христиан[6 - Харек Второй Младший, датский конунг с 853 года, сначала закрыл церковь в Хедебю, но через год снова ее открыл и разрешил построить церкви в Риве и Бирке.]. Мы взяли у них много хороших вещей, а наш хёвдинг, – кивок в мою сторону, – даже заполучил отличного лекаря из жрецов франкского бога. Хочешь поговорить с ним о вере? Он это любит. Ульф, я так понял: ты звал нас к обеду. А где еда?

– Ты всё такой же болтун, Толстый! – дружелюбно пророкотал Короткая Шея. На фоне Ове он уже не казался таким здоровенным. – Я ушел от Харека. Теперь мой вождь – Ивар Рагнарсон. А ты, значит, больше не служишь Хрёреку Соколу?

– С чего ты взял? Хрёрек – наш конунг. А Ульф поставил меня к кормилу, когда мой корабль утопили люди Полумесяца. Ты, верно, слышал: в прошлом году мы зашли так далеко на юг, что наши лица уже ощущали жар Муспельхейма[7 - Согласно скандинавской «теории мира», Муспельхейм – расположенная на юге страна огненных великанов.].

– Я слышал об этом славном походе, – сдержанно произнес Гримар. – Потому и ушел от Харекаконунга. Служба ему весьма почетна, но ни славы, ни золота там не добыть.

И поглядел на золотые побрякушки, украшавшие мою Гудрун. Сначала на золото, потом – на меня. Уже не столь надменно, как раньше. Осознал, надо полагать, что мне принадлежит не только то, что под платьем, но и то, что на нем. И такое осознание прибавило мне росту. Фута этак на два.

– Эти двое из Хедебю могут болтать хоть до вечера, – подал голос Стюрмир. – А у меня от смолы и дыма глотку дерет. Гудрун, краса твоя может сравниться только с пивом, которое ты варишь! Дай же мне вкусить этого дивного напитка!

Напряжение рассосалось. Гости и хозяйева уселись за стол, который мои домочадцы проворно завалили разнообразной снедью. Дом наполнился хрустом, чавканьем и бульканьем. Впрочем, славные викинги не забывали о возлияниях богам и о высокопарных тостах. Причем каждый третий тост произносил Гримар. В стихах. Исключительно о красоте моей невесты.

Дать бы ему в рыло хорошенько, но – не получится. Даже если откинуть в сторону тот факт, что он – мой гость, всё равно не получится. По такой роже надо не кулаком бить, а сразу топором.

Чтобы как-то развеяться, я вылез из-за стола и отправился поглядеть, всё ли в порядке в моей «младшей дружине».

Вместе со мной вышел Ове Толстый. Встал на крыльце, с дикарской непринужденностью обнажил «инструмент» и пустил струю.

– А со двора выйти? – сварливо поинтересовался я.

– Да ладно, Черноголовый! Сегодня, считай, праздник.

– Это какой же? – удивился я. – Приезд Гримара Скаммхальса? Так у Медвежонка таких родичей – сотня с хвостиком. И каждый мнит себя будущим ярлом.

– Да какое мне дело до Короткой Шеи? – в свою очередь удивился мой кормчий. – Закончили мы сегодня. Через четыре дня можно в море выходить.

Глава вторая

Игра в мяч по-скандинавски

Те, кого не пригласили за стол в доме, кушали во дворе. Без пива. И никто им на стол не накрывал: сами старались. Кушавшие четко делились на две компании. Одна группировалась вокруг отца Бернара, во второй, в отсутствие Скиди, лидировал сынок здешнего богатея-коннозаводчика Каппи Обжора, и в нее входили все мои «недоросли», за исключением Вихорька. Бывший пастушок занял место поближе к англичанам, Юсуфу и отцу Бернару. Это было неправильно. Парень должен быть в группе своих сверстников. Это проблема, и решить ее должен я. Но не сейчас.

Убедившись, что моя «младшая дружина» не останется голодной, я вернулся в дом...

Как раз вовремя, чтобы пресечь поползновения Гримара в направлении Гудрун.

Впрочем, борзеть он не стал. Увидел меня – и переключился на выпивку.

Я уселся на скамью напротив.

– Значит, хочет видеть меня Ивар Рагнарсон?

– Хочет, – прочавкал Гримар.

– Передай конунгу: я приду.

– Чё? – Гримар даже жевать перестал.

– Я сказал: передай своему конунгу, что я приду. – Так ты с нами не поедешь, что ли?

Хотелось ответить некорректно, но я все же решил не обострять. Не дай Бог этот человек-таран передаст конунгу сказанное дословно. А хамить Бескостному – всё равно что дракона за усы тягать. Фукнет огнем – и нет человека. Зато есть жарко?е. – Я отправлюсь через два дня. Важные дела.

Сзади ко мне подошла Гудрун, обняла, прижалась животом... И, готов поспорить на серебряную марку, начала строить глазки Гримару. По привычке девичьей – кокетничать со всеми симпатичными, с ее точки зрения, мужскими особями. Надо будет напомнить ей при случае, что она уже не девушка на выданье, а обрученная невеста.

Вот, как в постель ляжем, так и напомним.

Как следует подкрепившись и набулькавшись пива, Гримар показал свою крутость. Сначала – в армрестлинге, передавив сначала Стюрмира, потом Ове. Затем – в силовой борьбе: кто кого перетолкает.

Для этого мы все вышли во двор, где Короткая Шея и реализовал амбиции, хотя Ове Толстого, на мой взгляд, он победил нечестно, финтом. По мне, так уже если состязаешься в грубой силе, так силой и дави.

Очень довольный хольд надулся индюком и предложил посостязаться в метании. Состязания по метанию предметов у скандинавов делятся на две части: на меткость и на дальность. Гримар, естественно, предпочитал первые. А я – никакие.

– Может, лучше в мячик поиграть? – предложил я.

– Без палок! – мгновенно отреагировал Свартхёвди.

Очень правильное решение. Здешняя игра в мяч с применением бит отдаленно напоминает хоккей на траве. И весьма травматична, поскольку допускает силовую борьбу игроков.

Еще один вариант игры в мячик, очень популярный здесь, на Сёлунде, прямой контакт исключает. Тоже не обходится без травм. Туго набитый шерстью кожаный мяч в рожу – это больно. Как раз во время такой игры, причем облегченным мячом, набитым перьями, а не шерстью, Медвежонок схлопотал сотрясение мозга, после которого и стал берсерком. Правда, не от меча, а от кулака, но на результат это не повлияло. Игры воинов – не вышивание крестиком. Нормальная мужская забава.

Поле уже было размечено: молодежь лупила мячик регулярно. Я был не против. Даже попытался внедрить в массы футбол. Не получилось. Народ здесь ортодоксальный. Хорошая игра – та, в которую играли предки. Футбола в знакомом мне отечественном варианте предки сёлундцев не знали. Не исключаю, что футбол американский пришелся бы им больше по вкусу. Но правил этой заокеанской игры я не знал.

Разделились на команды: в одной – Медвежонок, Стюрмир, Толстый и я. В другой – гости, Иваровы хирдманы. Не очень люблю спортивные игры на полный желудок, но меня никто не спрашивает. Викингам – пофиг. Эти могут цельного пороса сточить, а потом в длину прыгать. Результат, конечно, выйдет похуже, чем без набитого брюха, но тут важнее не результат, а молодечество проявить.

Первый удар – Гримаров. И этот человек не стал финтить. Подкинул мячик да и врезал по нему ногой со всей дури. Однако послал его не вперед (тогда бы он улетел далеко за пределы игрового поля), а прямо в небо. Мяч взвился вверх аж со свистом и спустя хренову тучу секунд, тоже со свистом, обрушился на нашу половину поля... Где и встретился с рукавицей Ове. Звук был такой, будто стрельнули из ружья. Однако рука Ове не пострадала. Лапа у викинга твердостью соперничает с деревом. Хлоп! – и отбитый мяч летит в сторону

Свартхёвди, который отбивает его коленом мне, я же, точным ударом, возвращаю его Ове, который лупит по нему, аки по роже злейшего врага. Мяч, крутясь, летит на вражескую территорию, где его ухитряется зацепить ногой один из Иваровых хирдманов, но мяч соскальзывает и плюхается на землю в метре от разделительной черты.

Ура! Мы выиграли очко.

Медвежонок и Гримар скрупулезно отсчитывают «футы», и часть «вражеской» земли становится нашей. В этом и суть игры. Каждое выигранное очко увеличивает территорию выигравшей команды. За счет команды проигравшей. И высчитать этот прирост – дело хитрое. Он зависит от того, куда упал мяч, и от того, кто его касался последним... Я в подсчет не вникаю. У нас есть капитан команды, Медвежонок, пусть у него голова и болит. Впрочем, иногда капитаны не сходятся во мнениях и к спору подключаются остальные игроки. Ну и зрители, конечно. Нередко и до драки доходит. Весело, одним словом. А в остальном правила просты. Бей по мячу, чем хочешь. Рукой, коленом, ступней, головой. Запреты тоже просты: нельзя хватать мяч, и бросать его тоже нельзя. Только бить. Впрочем, увлекшиеся игроки и хватают, и бросают. Но в этом случае «очко» могут не засчитать. Или, если судья строг, вообще отдать победу противнику.

У нас судьи не было. Не чемпионат же, так, любительский матч.

Мяч у проигравшей команды. Опять Гримар. И опять – соло. На этот раз не в небо, а, рукой, точно в центр нашего поля. Влупил как из пушки. Я отбил, но криво. В аут ушло. И пальцы на левой руке онемели. Если бы не толстенная перчатка, могло бы и выбить. Гримар залудил – как из баллисты.

Мы проиграли. Но совсем немного. Аут – это не попадание.

Для игры в мяч существует специальная одежда. С наколенниками из вареной кожи, толстыми сапогами и прочими средствами защиты. Ну и перчатки, само собой. Лично я ограничиваюсь специальными сапогами и перчатками. На голове у меня – обычный вязаный подшлемник, а на туловище – такой же грубой вязки свитер поверх льняной рубахи. Хорошая штука. Ветерком продувается. Самое то в летнюю жару.

Медвежонок делает мне знак. Сейчас испробуем один из финтов, который мы с ним отработывали. Мячик у Стюрмира. Тот, реагируя на поднятую руку капитана команды, посылает ему мяч, Свартхёвди делает королевский замах... Противник тут же реагирует: аж двое Иваровых бойцов бросаются на перехват... И Медвежонок легоньким тычком сбрасывает мячик на мою ногу. А я, еще более деликатным пинком, отправляю мячик на вражескую территорию... И геройский рывок Гримара (до чего ж быстрый, однако, особенно для своих габаритов!) завершается классным подхватом на стопу... И мячик улетает за пределы игровой зоны. Но всё равно молодец, Короткая Шея.

Подает один из хирдманов. Пара перебросов, а потом роскошный крученный на нашу сторону. Стюрмир успеваает. Мяч взвивается вверх, потом встречается с головой Ове, попадает ко мне, от меня – к Медвежонку, от Медвежонка опять ко мне, от меня – к Стюрмиру, который, не мудрствуя лукаво, он вообще мудрствовать не умеет, зафигачивает мяч на вражескую территорию... Где один из хирдманов без проблем перехватывает бросок и с той же детской простотой возвращает мяч Стюрмиру, попадая тому точно в лоб. Лоб у Стюрмира крепок. Мячик от него отскакивает... И я не успеваю.

Очко противнику.

Передел территории и – наша подача.

Два перепаса, Стюрмир вешает «свечку», и я, с прыжка, режу в землю. Сетки здесь нет, так что прыгать необязательно. Но, во-первых, я привык, а во-вторых, ростом не вышел. Шмяк! И очко у нас.

Гримар. Сам. Лупит со всей дури. Но мы уже – привычные. Ове перехватывает и отправляет мяч Свартхёвди, Медвежонок – мне, а я опять режу. И опять удачно.

Новая подача противника. Перехват, розыгрыш... Я не собирался резать. Я хотел всего лишь...

Но один из Иваровых бросается на перехват и, грубо нарушив правила, таранит меня плечом. Массы у нас – один к полутора, так что я вылетаю в аут, мячик падает на вражескую территорию... а Стюрмир лупит в грызло моего обидчика.

Зрители – женщины и молодежь – вопят от восторга... И бычий рык Гримара в зародыше пресекает драку.

Схлопотавший по харе боец, утирая тряпицей кровь с разбитой губы, возвращается на «рабочее место». А я занимаю свое, потирая грудь. Ничего страшного. Небольшой ушиб.

Мы выиграли. По очкам. Это потому, что я вышел из игры, выставив вместо себя Скиди. То есть оформил свой уход я культурно: мол, надо дать и молодому поиграть, но на самом деле я сдался. Устал. Куда мне тягаться в выносливости с прирожденными викингами! Наши об этом знали и приняли мой уход с пониманием. Противники просто обрадовались. Скиди заметно уступал мне по классу. Но отрыв был достаточно велик, а в сумерках решили не играть. И все пошли пить пиво. На этот раз не мое, а гостей. Выяснилось, что иваровские привезли с собой пару бурдюков. Хотели зажать, паршивцы, но, увидев, какие мы классные парни, передумали. Хотя нет, не так. Скорее всего, рассчитывали, что наполнят бурдюки пивом «от Гудрун». А вот хрен вам! Итак полный котел, литров сорок выжрали. Считай, весь запас, кроме аварийного. А наш стратегический резерв я не отдам. Когда еще Гудрун новое сварит... Так что воду пейте, проглоты.

– Зачем ты дразнила Гримара? – спросил я Гудрун, когда мы наконец уединились в маленькой хижине неподалеку от корабельного сарая.

С некоторых пор я предпочитал спать здесь, а не в длинном доме, даже если местные боги не приводили ко мне гостей. Во-первых, дом у меня тесноват, во-вторых, кое-кто в моей команде храпит так, что с крыши земля осыпается. А уж заниматься любовью в присутствии дюжины свидетелей... Не могу. Вот мой арендатор Пэр – может, а я – стесняюсь. Хотя, по здешним понятиям, стесняться нечего. Гудрун – моя официальная невеста, так что мы можем спать в одной постели и не дожидаясь свадьбы. Никто слова не скажет.

Никто и не сказал. После нашей помолвки Гудрун собрала вещички и переехала ко мне. К моей искренней радости. И к искренней радости моей боевой команды, тоже жившей в моей усадьбе. И добро бы они радовались за меня! Ничего подобного. Их ликование было связано с тем, что пиво в моем доме будет варить не мой раб Хавчик, а прославленный на весь Сёлунд пивовар. Вернее,

пивоварша. Да и общее качество пищи несомненно улучшится.

- И всё-таки, зачем ты дразнила Гримара?

- Ульф, я тебе больше не нравлюсь?

Глупый вопрос. Гудрун потрясающе красива. Той природной красотой, которую не подделаешь ни тренажерами, ни хирургией. Но сейчас, в лунном свете, ее тело казалось неживым, настолько оно было совершенно. Описывать ее бесполезно. Чтобы описать, мне пришлось бы разделить целое на части: восхищаться щиколотками, икрами, коленями, бедрами, подниматься от живота к полушариями груди, а от них - к изумительной шее... Для меня всегда было важно, чтобы у женщины была красивая шея. В женской шее - половина красоты ее лица.

У Гудрун такая шея, что кажется: дотронешься, а это не плоть, а мрамор.

Я дотрагиваюсь. Более того, крепко сжимаю эту плоть чуть пониже затылочной ложбинки, слегка нажимаю, так, чтобы наши лица оказались друг против друга, но лунный свет падал исключительно на прекрасное лицо Гудрун. Я хочу любоваться ею. Хочу и буду. А вот вертеть собой не позволю. Ни сейчас, когда она еще числится моей невестой. Ни позже, когда она станет моей женой.

- Ты - богиня! - искренне говорю я, привлекая Гудрун к себе и запуская руку в прорезь ее рубахи. - Но я скоро стану твоим мужем, а жена должна быть покорной.

- И не надейся... - Гудрун млеет от моей ласки.

- Тогда я тебя убью, - обещаю я, рисуя пальцем спираль вокруг ее соска. - Это проще, чем убивать всех, кому ты улыбаешься.

- Ты не должен убивать Гримара! - очень серьезно заявляет Гудрун. Она даже пытается от меня отодвинуться. - Гримар - человек Ивара. Убьешь его - Ивар убьет тебя. Даже твой волк не защитит тебя от Рагнарсона!

Мой Волк. Мой Белый Волк...

Я всё-таки рассказал ей о мистическом звере. Рассказал в первую ночь, когда мы с ней... В общем, нам было изумительно хорошо. Так хорошо, что Гудрун поведала мне заветную тайну. О том, что, когда она была еще девчонкой, ей приснилась Идун[8 - Богиня вечной юности и хранительница яблок, которые эту юность даруют.] (Гудрун узнала ее по корзине с яблоками) и пообещала, что моя невеста станет самой красивой девушкой Сёлунда и женой конунга. Вот почему она решила, что Эйвинд, сын Харальда-конунга, - и есть тот самый обещанный муж. Но когда он умер, Гудрун поняла, что ошиблась и выйти в конунги предстоит мне.

А что? Я не против. Однако в ту ночь мне тоже следовало рассказать что-то личное. А поскольку выкладывать историю своего истинного происхождения я не собирался, то поведал ей о Белом Волке. Тем более что это Гудрун вышла на моей куртке этого замечательного зверя, и мне самому очень хотелось выяснить: откуда она узнала?

С источником всё оказалось просто. Братец Свартхёвди. Он слышал, как я рассказывал о Белом Волке Стенульффу, и счел, что это неплохой довод в пользу моей избранности, а следовательно, укрепляет мои позиции в глазах сестры. И не ошибся.

Зато Медвежонок не знал, что Волк приходил ко мне с тех пор не единожды, и не знал, что со мной после этого происходило. Теперь об этом знали двое: я и Гудрун.

И она была права: мой Волк вряд ли защитит меня от Бескостного. Волк против Ящера не рулит. Так что убивать Гримара без острой к тому необходимости я не собираюсь.

Мы еще поговорили немного. После. И я понял, что с девичьим кокетством Гудрун мне придется смириться. Она просто не понимала, о чем идет речь. А Гримар - пусть вожделеет. Всё равно дальше похотливых взглядов он пойти не посмеет. Тем более мы с ним теперь практически родственники. А родич родичу недоброго не замыслит, а уж худого точно не сделает. Предки обидятся, а современники просто не поймут.

Вот тут я ошибся. Гримар – замыслил. Деньги и прочие бонусы – вполне достаточная причина, чтобы позволить себе небольшое отступление от правил. Как, например, в случае с папой Рунгерд, которого подло зарезали вместе со всеми людьми, несмотря на «неприкасаемый» статус гостя. Для того, кто родился в этом мире, правила и обычаи были не набором сведений, полезных и обязательных, а всего лишь условиями игры. А хороший игрок всегда знает, когда нарушение правил возможно и желательно.

Глава третья,

в которой Ульф Черноголовый сначала получает предложение, отказаться от которого смертельно опасно, а потом – вызов на поединок

– До смерти! – рявкнул Гримар.

– До первой крови? – гуманно предложил я.

– Ты пьян, – бесстрастно произнес Ивар. – Одумайся.

Но глядел Бескостный почему-то не на своего хольда, а на меня.

– Останови его, конунг! – в один голос воскликнули Красный Лис и Свартхёвди.

И что удивительно: большинство пирующих выразило шумную поддержку ирландцу и Медвежонку. Удивительно, потому что поединок – излюбленное развлечение викингов.

Но я догадывался: почему так. Никто не понимал, почему Короткая Шея на меня взъелся. Я тоже.

А так мирно всё начиналось. Ивар приветствовал нас лично. Из собственных рук одарил меня ковшом вина заморского (и кто ему рассказал, что я винишко жалую?), а Медвежонка – пивом.

Вокруг – лучшие хирдманы. Все как на подбор – двухметровые громилы. Мы с Медвежонком в этой компании потерялись бы. А он чувствует – нас.

И сразу пир. Здравницы, как водится. Драпы-хряпы. Даже я родил стих. Что-то о поле вод, что обнимают шеи драконов. Так себе стишки, но Ивар одобрил: кубок подарил. В серебро оправленный.

А потом кликнул меня за свой стол, и я наконец узнал, зачем понадобился сыну Рагнара Лотброка.

– Ты ведь пришел к нам из земель, что близ Альдейгьюборга[9 - Скандинавское название Ладоги.], Ульф Вогенсон?

– Нет, – качнул я головой и допустил ошибку: позволил Ивару поймать мой взгляд. Зеленые глаза дракона дохнули холодом прямо в душу.

– Нет?

– Я не из тех земель. Хрёрек Сокол взял меня в хирд на реке, которую местные жители называют Ольховой. Оттуда мы приплыли в Альдейгю. Это небольшой городок, конунг. И богатств там меньше, чем в самом жалком из капищ франков.

Тут я немного покривил душой. Но мне не хотелось, чтобы хищный драконов взор упал на Ладогу. Пусть я теперь – викинг, но по крови я – русский. Следовательно, там, на Ладоге, мой народ. Словене. Нехорошо так говорить, но по мне: пусть лучше кровожадные Иваровы хирдманы резвятся в английских и французских селениях.

– Мне говорили иное, – возразил Бескостный, стараясь вновь заглянуть мне в глаза. Но я уклонился. – Я и сам так считал, – произнес я, постаравшись, чтоб мой голос звучал рассудительно. – До тех пор, пока не побывал на землях франков.

– Не стану спорить: франков мы неплохо освеживали, – согласился Рагнарсон. – А еще я слышал, что в Альдейгьюборге бывают купцы из Миклагарда[10 - Константинополь.]. Так ли это?

– Может быть, – не стал я спорить. – Я не видел. Но мы были там всего лишь несколько дней. Тебе стоило бы расспросить моего конунга Хрёрека. Мне показалось: он хорошо знаком с тамошним конунгом.

– Если бы я хотел расспросить Хрёрека, я бы так и сделал, – я почувствовал в голосе Ивара неудовольствие. – Но я спрашиваю тебя.

– Я рад бы помочь тебе, конунг, потому что ценю твое расположение, – проявил я дипломатические способности, – однако я и впрямь из других земель. Думаю, что товары из Миклагарда туда попадают, ведь в той земле много хороших рек. Но там еще больше диких лесов, болот и недобрых людей, готовых забросать стрелами чужаков и кануть в чащу, из которой их уже не достать. Это не те земли, по которым стоит идти без сведущих людей. Если бы я хотел попасть в Миклагард, то шел бы морем.

Ивар чуть усмехнулся, и я легко угадал его мысль: есть разница между Рагнарсоном и каким-то там хольдом непонятного происхождения.

– В сведущих людях недостатка не будет, – сказал Бескостный. – Я умею убеждать тех, кто не хочет делиться со мной знаниями.

Это что, намек? Ну почему меня бросает в холод от этого человека? Я – свободный гражданин, в конце концов. Хёвдинг. Уважаемый человек.

– Я знаю всего лишь маленький кусочек той земли, – сказал я, очень постаравшись, чтобы голос мой звучал твердо. – Я мог бы нарисовать тебе, конунг, те земли, что я знаю. А чтобы ты не думал, что я не хочу помочь, то скажу тебе, что наш хирд побывал в городе, куда более богатом, чем Альдейгьюборг. Это город эстов. Они воинственны, но против твоих воинов эсты – ничто. И город этот лежит южнее, чем Альдейгьюборг, так что я не сомневаюсь, что там тоже есть товары из Миклагарда, потому что река там побольше, чем Ольховая, да и стоит этот город прямо на морском берегу. И еще. Я видел там норегов. Мы даже дрались с ними на море, и Один послал нам победу. А если норегы плавают туда торговать, а не грабить, то там точно есть чем разжиться повелителю многих драккаров.

– Ты мог бы указать туда дорогу? – спросил Ивар.

– Наверное. Но будет лучше, если ты спросишь об этом моего конунга или его кормчего Ольбарда Жнеца. Они очень хорошо знают тамошние воды.

Строго говоря, именовать Хрёрека Сокола конунгом – неправильно. Конунг – это тот, у кого земли, подданные, прикормленные и привязанные к землям ярлы... Харек Датский, который сидит в Хедебю, вот он – конунг. И Рагнар Лотброк, рулящий Сёлудном, конунг. А тот, у кого в подчинении не земли, а боевые корабли, называется сёконунгом, то есть «морским конунгом». Хрёрек Сокол именно таков. Как, впрочем, и Бескостный. Конечно, у Бескостного на порядок больше боевых кораблей, но суть от этого не меняется.

Однако я не завидую тому, кто назовет Ивара Рагнарсона сёконунгом. А он, в свою очередь, не станет звать сёконунгом Хрёрека, если не хочет его оскорбить.

– Да, – Бескостный приложился к кубку. – Альдейгьюборг. Твой конунг неплохо знает те берега. – И, без всякой подготовки: – Не хочешь стать моим человеком, Ульф Вогенсон?

– Это была бы великая честь для меня... – Как бы так отказаться, чтобы не обидеть. Обида Ивара – это больно. Очень больно. – Но я поклялся Хрёреку и многим ему обязан. Прости мне мои слова, Иварконунг, но я останусь человеком Хрёрека Сокола.

Оскорбился или нет? Кажется, нет...

– Ты люб Одину, – сказал после паузы Ивар. – Под моим знаменем ты бы сам мог стать конунгом. Надеюсь, однако, ты не откажешься сходить со мной в вик, пока твой конунг делает свои дела на земле Харека-конунга? У тебя ведь есть свой корабль, верно? Верно. И корабль этот мне продал именно Ивар. Со скидкой, насколько я понимаю.

Я – человек Хрёрека Сокола, вежливо напомнил я Бескостному.

Хрёрек в Хедебю, в свою очередь вновь напомнил мне Рагнарсон. А мы с тобой, дорогой мой Ульф, на Сёлунде. И земля у тебя тут, и невеста, и вообще, как-то непатриотично жить на земле Рагнара-конунга и не поддерживать начинаний его старшего сына. Типа как бы – неуважение...

Проявлять неуважение к Бескостному мог только суицидник, страдающий острой формой мазохизма, так что я вынужден был исторгнуть в адрес Ивара фонтанчик самой грубой лести, на которую способен. Но – с большой аккуратностью. Идти в поход с Иваром мне категорически не хотелось. И, какой смысл самого себя обманывать, главная причина была в том, что я его боялся. Немигающий взгляд Бескостного рождал во мне мистический ужас.

У меня, блин, невеста молодая, попробовал я зайти с другой стороны. К свадьбе готовиться надо...

Сыграешь ты свадьбу, да так, что богам завидно станет, посулил мне Рагнарсон. После того как из вика с добычей вернешься. Неужели не скучно такому парню, как ты, всё лето дома сидеть?

– Зачем тебе я, конунг? – спросил я напрямик, исчерпав запас косвенных доводов. – Мой кнорр потеряется среди твоих драккаров.

– Твой кнорр, но не твоя удача.

– Что моя удача рядом с удачей старшего сына Рагнара Лотброка? Мелкая рыбка рядом с акулой.

– Бывает, что и мелкая рыбешка пойдет акуле на пользу, – сказал Бескостный.

– Но вряд ли насытит.

Ивар усмехнулся. Решил: я шучу.

– Ты пойдешь со мной, Ульф Черноголовый. Это решено.

И я понял, что спорить бессмысленно. Хрёрека здесь нет, а без него я и впрямь мелкая рыбешка рядом с акульей пастью. Хлоп – и нету.

На том беседа и завершилась. Я вернулся на свое место и только потянулся к заветному печеному поросенку, как меня ошарашил мсье Гримар. Приглашением на дуэль.

– Останови его, конунг! – разом воскликнули Красный Лис и Свартхёвди, а чуть позже – еще десяток пирующих.

Видать, неспровоцированный вызов на поединок до смерти удивил их настолько, что перевесил даже желание поглазеть на драку.

Ивар покачал головой.

– Один меня не поймет, – произнес он с явным сожалением. – До смерти, хольд. Что еще?

– Пусть бой будет чистым!

Неожиданная просьба. Ивар поглядел на Медвежонка. Понятно, почему. Он – мой ближайший родич. Ему и мстить, если Шея меня прикончит.

Свартхёвди нахмурился...

– Пусть будет так! – вмешался я, опередив побратима.

Еще не хватало: запустить мясорубку кровной мести. Тем более – среди родичей. Опять же, если конунг объявил поединок «чистым», то, значит, и верегельд платить не надо. Зная Ивара, можно предположить, что он слупит за своего хольда по полной... О как! Я уже рассуждаю как победитель. Опасная тенденция. Гримар – опытный воин. А что пьян, так хмель из его башки выветрится, едва меч ляжет в руку. Проверено. И всё же какого хрена он на меня наехал? Не понимаю. А я не люблю, когда не понимаю. Чей-то «заказ»? Кто-то его на меня натравил? Ивар? Вряд ли. Не его стиль. Да и зачем ему? Он только что призвал меня в свою дружину, и я, типа, согласился. Кто бы из нас ни победил, Ивар – в проигрыше. Теряет либо своего хольда, либо союзника, то есть меня. Нет, Бескостный точно не заказчик. И прими Гримар «заказ» на меня от кого-то еще и узнай об этом Ивар... Ох, не завидую я тогда Короткой Шее! Разве что заказчик – папа Рагнар... Что совсем маловероятно. Этот мог бы «вычеркнуть» меня без всяких ухищрений. Показал пальцем – и нету Ульфа Черноголового. Нет, не Рагнар. Конунг Сёлунда не убивает тех, кто приносит ему пользу. Я потрогал золотую цепь, подаренную мне Лотброком за мои подвиги в Париже. Нет, не Рагнар.

Ладно, разберемся по ходу.

– Не знаю, что на него нашло, – ворчал Медвежонок, помогая мне разобраться с кольчугой. – Может, что понадежнее наденешь?

Не буду. Арабская кольчуга меня устраивает. Легкая, удобная, от скользящего удара защитит, а от прямого, с учетом параметров моего противника, не уберезет и железная «доска».

А вот это уже неприятно. Гримар решил пренебречь щитом. Или видел меня в деле, или посоветовал кто-то, но вместо щита Короткая Шея взял в левую руку рубящее копье, хогспьёт, с относительно короткой рукоятью, длинной трубкой и широким, покрытым руническими узорами железком. Меч у моего противника тоже был хорош: из «сварного булата», на пядь длиннее моего Вдоводела. Но он его не взял: вооружился простой секирой на длинной рукояти с лезвием никак не меньше тридцати сантиметров. И на защиту Короткая Шея тоже не поспешил. Навесил на себя минимум пуд железа. Хорошо быть здоровенным!

– Ты не смотри, брат, что Гримар велик и тяжел, – просвещал меня Свартхёвди. – Он очень быстр и подвижен. (А то я не видел, как Шея в мяч играет!) А сила у него не меньше, чем у нашего Стюрмира. И еще он одинаково ловко колет и рубит что с левой, что с правой руки...

Вот это я понял сразу. Выпад копьем был так стремителен, что едва не сделал во мне дырку. Конечно, я видел, что руки у моего противника длинные, как у орангутанга, но такое ощущение, что они удлинлись еще сантиметров на десять. Копейный укол с дистанции более двух метров, а когда я откинулся назад, бросок вперед – и секира едва не оставила меня сразу без двух ног. Вот когда может пригодиться акробатика. Спасая нижние конечности, я ушел назад кувыркком-перекатом. С учетом «местности» ушел, так, чтобы между нами оказался опорный столб. Гримар вынужденно притормозил. Я попытался спровоцировать его на атаку, но неудачно. Некоторое время мы кружили вокруг столба. Потом Короткая Шея сделал рывок, пытаясь достать меня слева... Именно этого я и хотел. Перебросил меч в левую руку, хлестанул по толстой ножище... Оглушительно лязгнуло железо. Гримар успел прикрыть голень обухом топора, но контакт был нежесткий, и его приложило по колену собственным же оружием. К сожалению, плоскостью. И снова между нами

оказался столб.

Я поймал взгляд Иварова хольда. В медвежьих глазках – ни малейших признаков гнева. Холодный расчет. Гримар не испытывал ко мне негативных чувств. Ничего личного. Короткая Шея просто прикидывал, как меня прикончить.

Еще один выпад, от которого я ушел, заслонившись столбом. Стратегия поединка не складывалась. На дистанции у моего противника – все преимущества. В ближнем бою тоже, судя по тому, как ловко Гримар управляется с секирой. Может быть, мне имело смысл взять кинжал в пару к Вдоводелу? Но этакий панцирь кинжалом не вдруг пробьёшь. А достать по ногам их хозяин вряд ли позволит. Перемещается он изумительно. Да, я немного превосхожу его в маневренности – за счет куда более легкой «комплектации», но это преимущество начисто съедается длинными ручищами и изумительным чувством дистанции. На финты этот носорог не покупается, так что измотать его вряд ли удастся. Там, где Короткой Шее довольно рукой махнуть, мне приходится уходить всем телом сразу. И Гримар это вполне уяснил: то копьем сунет, то секирой махнет, а мне и дистанцию не набрать, потому что столб мой родной сразу потеряю...

Я выжидал. Надеялся, что придет мой Волк... Ни фига. Может, я слишком много пива выпил, может, недостаточно испугался, может, еще какая хрень, но великолепное единение меня и мироздания, превращавшее меня в супербойца, никак не приходило. А без него мне с Иваровым хольдом точно не управиться. Хотя...

У меня появился план. Слишком сложный и слишком хитрый, чтобы быть в нем уверенным, но другого всё равно нет.

Еще один полуоборот вокруг столба... И я проворно отступил в столу, туда, где длинный стол и стол «главный» сходились под прямым углом, и оказался аккурат в трех метрах от Ивара. Его хирдманы тут же подались в стороны, освобождая пространство (Бескостный, ясное дело, даже не шелохнулся), а я подхватил свободной рукой кувшинчик с пивом, поднял, салютуя Гримару, типа «твое здоровье», и приложился.

Хольд церемониться не стал. Задача у него была простая, как мычание. Меня прикончить. Так что, едва я оказался в подходящем положении, крайне

неудобном, поскольку практически лишил себя возможности маневра, Короткая Шея бросился в атаку.

Я встретил Гримара «безумным» смехом, метнул ему в рожу кувшин (который тот походя разнес небрежным ударом топора) и вспрыгнул сначала на скамью, потом – на стол.

Копье хольд метнул вполсилы. Мишень я представлял замечательную, дистанция ничтожная, а моей кольчужке много не надо...

Провернулся я по всем правилам. Чудом не поскользнувшись на объедках, но – чётко. Уход с линии атаки с одновременным перехватом древка уже вывернутой для правильного хвата ладонью, и, на полуразвороте, бросок в голову противника. Перехватывать копье Короткая Шея не стал. Пригнулся чуток и мощным толчком бросил свое могучее тулово вверх, одновременно вскидывая секиру, чтобы покончить со мной, пока я снова не удрал. Парировать удар топора клинком я не стал. Бессмысленно. Да и необходимости не было. Потому что Гримар облажался. Вернее, я очень старательно вел его к одной-единственной ошибке... И привел. Всё было просчитано. И бросок копья (никто не удержался бы) с последующим перехватом, и брызги пива, часть которых попала в прорези шлема...

Когда человек прыгает вверх с одновременным замахом, ему очень легко ошибиться, оценивая высоту удара. Вот и Гримар не рассчитал. Мощнейший удар, усиленный массой разогнавшегося многопудового организма, который должен был развалить меня на две полутушки, поскольку я всем своим видом и поведением изображал готовность встретить врага грудь в грудь, достался вовсе не мне. И не мог достаться, поскольку я-то совершенно ясно видел траекторию движения смертоносного орудия и место, где эта траектория должна была закончиться. Вопрос у меня был только один: разрубит Гримар балку или не разрубит?

Не разрубил. Хорошая оказалась балка. Дубовая, чай.

Разбег и замах был такой, что даже мощная лапища хольда не удержала рукоять увязшей секиры. То есть топор остался торчать в балке, а Гримар продолжал двигаться дальше. На меня.

Теперь у меня был выбор. Например, я мог вбить Вдоводел прямо в разинутый рот Гримара. Или отрубить ему какую-нибудь конечность, поскольку инерция несла его на меня (вернее, уже мимо меня, поскольку я сделал шаг в сторону), как шквал несет судно на скалу. Собственно, я до самого последнего момента не знал: рубить или пожалеть? Но, как верно подметил когда-то умирающий «королевич», у меня доброе сердце. Рубани я острием – и нога Короткой Шеи украсила бы собой праздничный стол. Но я ударил плашмя. Даже не ударил, а просто подставил плоскость клинка под ногу противника. И результат оказался вполне ожидаемый. Полет мордой вниз. А поскольку стол кончился раньше, чем закончился полет, то совсем вниз, до самого пола, попутно приложившись брюхом о скамью.

Викинги умеют падать. Гримар не убился. Даже не ушибся по-настоящему, поскольку – в железе.

Плечо вывихнул, как потом выяснилось, но это неудивительно, учитывая общий вес туши и «обвеса», на это плечо пришедшийся.

Нет, он всё-таки не упал – рухнул. А я – спрыгнул. Легко и грациозно. Упер Вдоводел в то место, где у обычных людей находится шея, а у Гримара пролежала граница между спиной и затылком... И вопросительно поглядел на Ивара.

Я мог бы (и должен был, кстати, по условиям поединка) добить противника. Но, как сказано у классика, «жизнь „детеныша“ можно выкупить». Нет ли у кого-нибудь при деньгах такого желания?

Ивар меня понял. Но раскошелиться не собирался.

– Он – твой, – признал Рагнарсон с неприятной улыбочкой. – Ты мог бы отправить его в Валхаллу, и я догадываюсь, почему ты этого не сделал. Видно, тебе, как и мне, любопытно, чем ты ему насолил.

Гримар лежал, не шевелясь. Но он был жив и в сознании – я слышал, как он дышит. И знал, что он слышит наш диалог так же хорошо, как чувствует острие моего меча.

– Так и есть, Ивар-конунг, – согласился я. – Но это не значит, что я удовольствуюсь только словами. Пусть это будет половина выкупа. А второй половиной станет двадцать пять марок серебром.

– Справедливо, – согласился Рагнарсон. – Жизнь моего хольда стоит уж никак не меньше пятидесяти. Ты согласен, Гримар Скаммхальс?

– Да, согласен, – глухо проворчал Короткая Шея.

Первую половину выкупа Гримар «внес» сразу. Горло промочил и «выплатил». Оказывается, быть женихом такой красавицы, как моя Гудрун, весьма рискованно. Потому что наличие у такой, как она, жениха, становится проблемой для тех, кто сам хочет стать ее женихом. Вспомните хотя бы беднягу Харальда... А там, как говаривал... Джугашвили, кажется: нет человека, нет и проблемы. Вот и старина Гримар решил аналогично. Поэтому он и просил о чистом поединке. Чтобы не оказалось крови между ним и семейством вождьеленной красотки. Гудрун тоже хороша, однако. Не в смысле внешности, а потому, что без ее кокетливых взглядов в репообразной башке хольда, может, и не родились бы матримониальные помыслы.

Ивар веселился как ребенок. И с ним – целая прорва пожирателей кровавого мяса. Ну надо же, какая шутка замечательная: грохнуть Ульфа Черноголового – и захватить не только его невестушку, но и изрядную долю женихова имущества. Это Свартхёвди, простой парень, проболтался: мол, отписал его побратим в случае летального исхода свое солидное бабло и прочее богатство в равных долях ему, Свартхёвди, матушке Рунгерд и невестушке Гудрун.

Вот же классная шутка! Уржаться можно.

А теперь – серьезно.

Я узнал, на какую авантюру приглашает меня Бескостный.

Ивар Рагнарсон собрался пограбить англов. Пробить тему для папаши, который решил пощупать будущих гордых британцев на следующий год. Но первым, как говорится, самые сладкие куски, так что Ивар согласился охотно. И вот для сего

доходного предприятия Ивару надобны лихие и удачливые парни вроде меня.

Не стану отрицать: я вздохнул с облегчением. До последнего момента подозревал, что Бескостный двинет на Ладогу.

Да и сколько до той Англии плыть? Не в Рим, чай. Считаю, рукой подать. Через море переплыл – и там.

– Это хорошо, – сказал Ивар, – что Гримархольд и Ульф-хёвдинг (Ну надо же! Хёвдингом почтил!) помирились. Потому что Ульф в этот вик с нами идет.

Иварова братва одобрительно заворчала. Надо же. А я и не думал, что пользуюсь таким авторитетом среди головорезов.

Я хотел вякнуть, что мне надо посоветоваться с моими людьми, но глянул на Свартхёвди и промолчал.

На кирпичной роже Медвежонка отчетливо написано: да. Вернее, даже не просто «да», а «О! Да, да! Классная тема!».

Немигающие глаза ящера сверлили меня, напоминая: скажешь «нет», пеняй на себя.

Дания – свободная земля. А Роскилле – в особенности. Но это в значительной степени свобода таких, как Ивар, кушать таких, как я. В случае конфликта интересов.

Ивар сказал: пойдешь с нами. Значит – без вариантов.

А если уважаемый Ульф Черноголовый насчет сохранности своей прекрасной невесты беспокоится, с усмешечкой продолжал Бескостный, так пусть не беспокоится. Если Ульф составит Ивару компанию в будущей экскурсии, то он, Ивар, станет личным гарантом того, что ни один «претендент» более не рискнет покуситься на самую красивую девушку Сёлунда. И если все же рискнет, то будет как с тем парнем, который в прошлом году повел себя неправильно в отношении одной из Иваровых наложниц. Все слышали?

Слышали все, включая меня. И даже Гримар слышал, хотя приехал на Роскилле недавно. И пересказывать не буду, что Бескостный сотворил с беднягой. Отмечу лишь, что чуть позже папаша Рагнар укорил сына за несоразмерную проступку жестокость. Это Рагнар-то!

Так что с таким гарантом, как Бескостный, даже самый отмороженный «гримар» не посмеет покушаться на мою Гудрун.

Мне не достало храбрости возражать. Вместо этого я сглотнул слюну, ухватил емкость с пивом и поднял тост за щедрость и славу Ивара-конунга.

Ивар благосклонно улыбнулся, но я знал: ему плевать на лесть. Он хотел видеть меня среди своих воинов, и он меня получил.

Господи, как мне не хочется иметь дело с Бескостным! Впору собрать манатки и бежать с Сёлунда...

Глава четвертая,

в которой герой сначала мечтает, потом – печалится, а в итоге придумывает схему успешных тренировок

В Роскилле я купил раба. Франка. Строителя. Продавец, местный оптовый работорговец, естественно тоже из Медвежонковой родни, получил задание изыскать мне строителя. И нашел. Причем недорого. Раб был стар и чуток покалечен – недоставало пальцев на ногах, обморозил прошлой зимой. Вдобавок франк не говорил по-датски, так что цена его была просто смешная. Ноги он обморозил у прежнего хозяина, который и купил франка как строителя, но, когда тот надорвал спину, тягая бревно (строитель – значит, строй!), в приобретении разочаровался и начал использовать бедолагу на всяких черных работах, а по весне, чтобы вернуть хоть часть денег, намеревался продать жрецам Одина. Эти охотно скупали бесполезных трэлей, чтобы приносить их в жертву.

Словом, будущее бедняги было ничуть не радужнее настоящего. И Пэррик, так звали трэля, выглядел так, будто он уже частично умер. Ни на что особо не надеясь, я начал его расспрашивать. Когда я заговорил с рабом на его родном языке, он слегка ожил. И признал: да, у себя на родине он был строителем.

Это еще ничего не значило. Строители бывают разные. Одни дворцы проектируют, другие цемент лопатой мешают.

Я велел дать деду козьего молока, чтобы он чуток взбодрился, и спросил, умеет ли он строить печи?

Ответ – положительный. Да, умеет. В том числе и кузнечные. Я покосился на хозяина дедушки. Если тот узнает, что франк – такой высококвалифицированный специалист, цена существенно поднимется. Раз этак в двадцать.

Но рабовладелец по-франкски – ни бельмеса. Тер с Медвежонком о падении цен на рабов, вышедших в тираж. Мол, чтобы выручить хоть что-то, надо «товар» в Успалу везти, а то усилиями Рагнара сотоварищи местный рынок просто завален двуногим товаром.

А знает ли доходяга Пэррик, как делать кирпичи, из которых делают печи?

Знает, само собой, а как же иначе? И как делать печи для обжига оных кирпичей, тоже. Он же профессионал. Естественно, он владеет полным циклом: от глины с песком до сведения сводов.

– Сводов? – изумился я.

Ну да. Он мог бы даже купол построить. Теоретически. Потому что в здешних условиях, да еще без нужных специалистов о таком даже мечтать не стоит. Но вратную арку Перрик мог бы исполнить даже здесь. А печи – это вообще его специализация. Так что, если я хочу получить обогреваемые по византийскому образцу полы...

На вопрос, откуда такие обширные знания, Пэррик пояснил, что учился у какого-то известного франкского зодчего, творившего при папе нынешнего короля

Карла Лысого. А тот вообще получил образование в Константинополе.

И деревянные дома он тоже умеет строить. Он пытался объяснить этому зверю-варвару, что может сделать ему такой дом. Намного лучше, чем те здоровенные сараи, в которых живут местные графы. Но варвар ничего не понял, потому что не знает ни одного из правильных языков, а на здешнем, собачьем, Пэррик знает только пару слов.

Я смотрел на это... существо, грязное, вшивое, тощее, покрытое болячками, с гноящимися ногами... И чувство у меня было примерно такое же, как у человека, который выкопал на помойке булатный клинок.

Если даже четверть сказанного окажется правдой, мне впору танцевать от радости. О, как же мне хотелось, чтобы у меня был настоящий дом. С настоящей печкой, с камином... Без вечного чада, без слоя копоты на всем...

Но от танцев я воздержался. Напротив, сделал хмурое лицо и предположил, что этот трэль вряд ли дотянет до зимы, а там уж точно сдохнет. Работорговец спорить со мной не стал. Он был того же мнения. Даже попытался (мы ж родня, как-никак) оправдываться: нет, мол, других европейских строителей-гастарбайтеров на Роскилле. Да и на хрена они здесь? Правильные люди строят правильные дома. То есть такие же, как предки строили. А инновациями пусть дураки занимаются, потому что то, что от пращуров, – хорошо по определению. Свартхёвди был с ним полностью согласен и даже попытался меня отговорить, когда я сообщил, что готов купить раба. За ту цену, которую предложил оптовик от жрецов Одина плюс приличная надбавка за кормежку и хлопоты. Продавец был доволен. Свартхёвди считал, что я – дурак. Раб...

Рабу было всё по барабану. Он готовился к смерти и не видел особой разницы между мной и прежним хозяином. Ну да, я чуток болтаю по-франкски, но зато по мне сразу видно, что я – викинг. То есть не просто варвар, а варвар-людоед. Прежний хозяин хоть простым бондом был...

Чтобы оттранспортировать раба, я приобрел лошадку, обошедшуюся мне раза в три дороже Пэррика. Было бы – в три, но лошадка была – из Кольгримовых табунов, а у Кольгрима мне полагалась скидка. В виде бесплатного седла. За обучение сына искусству убийства.

Медвежонок опять ворчал, но я понимал: на своих покалеченных ногах бедняга Пэррик и километра не пройдет. А я был очень заинтересован в том, чтобы он дошел.

По счастью, в седле Пэррик держался нормально, иначе пришлось бы телегу покупать. Что тоже было хорошим знаком. Поскольку говорило и о том, что раб не так плох, как кажется с виду, и о том, что там, во Франции, он часто ездил верхом, причем не охлюпкой, по-крестьянски, а в седле, как и подобает обеспеченному человеку.

Нет, мне определенно повезло с этой покупкой. Теперь моя задача – доставить приобретение домой в максимальной сохранности. А уж там отец Бернар его подлечит, и пусть принимается за дело.

Мне уже виделся крепкий двухэтажный домик на живописном месте. С печкой (хрен с ними, с отапливаемыми полами), с камином, с настоящими окнами, пусть и собранными из маленьких стеклышек (листового стекла я здесь не встречал), со спальней, посреди которой – огромная кровать с балдахином.

Может быть, даже с ванной... Размечтался, короче.

Но тут мой побратим вернул меня в суровую действительность, напомнив, что вскоре нам предстоит совместный боевой поход с человеком-ящером Иваром. И радость искренняя моя вмиг истаяла. Человеку, который не знает, доживет ли он до осени, как-то смешно строить далекоидущие планы.

В общем, ехали мы со Свартхёвди в совершенно разном настроении. Медвежонок, в отличие от меня, был совершенно счастлив и, вопреки обыкновению, непрерывно болтал, предвкушая радости будущего вика. Он считал, что играть в одной команде с Иваром – большая честь. Нет, Свартхёвди был верен Хрёреку и доказал это, оставшись в нашем хирде, когда Ивар звал его к себе. Но Свартхёвди был коренным сёлундцем, а здесь, на Сёлунде, только папа Рагнар мог соперничать с Бескостным в доблести.

– Неужели тебе мало того, что мы добыли во Франции? – спросил я.

И получил ответ: богатств много не бывает. Равно как и славы. И он, Свартхёвди, не видит жизни без битв. А с кем мы можем воевать в составе нашего маленького хирда? Ограбить какую-нибудь фризскую деревеньку? Даже стыдно говорить о таком после подвигов, которые мы совершили в прошлом году.

Наш маленький хирд еще не готов, напомнил я. Молодежь даже строй толком держать не умеет.

Научится, заверил меня Медвежонок. Вспомни, каким был Скиди, когда мы уплывали с Рагнармом. Ничуть не лучше нашего сына Виги.

Вихорёк, кстати, превратился в Виги с его подачи. То есть сначала не лишенный чувства юмора Медвежонок прозвал его Вигхарек. Юмор же в том, что «харек» отнюдь не зверек с пушистым хвостиком, а «высочайший из правителей» или типа того. То есть вполне годилось для ныне здравствующего конунга данов, но не для бывшего раба франков. А Виг – это просто война, то есть нормально для будущего воина. Но не в сочетании с «харekom». Тут уж явный перебор.

Однако Медвежонок был справедлив. Когда он увидел, что малец старается изо всех сил, и процесс его обучения ремеслу убийцы идет вполне успешно, Свартхёвди хохмить перестал, и Вихорёк превратился в Виги. Более того, с недавнего времени – в Виги Ульфсона, поскольку под нажимом общественности в лице Скиди и Медвежонка я вынужден был парня «усыновить».

Выглядело это так: мне пришлось собственноручно убить ни в чем не повинного быка-трехлетку, купленного специально для этой цели, содрать шкуру с его задней ноги, сделать из этой шкуры обувь (к счастью, чисто номинальную, с настоящей я бы не справился), а дальше, при большом стечении народа, торжественно произнести:

– Я, Ульф Вогенсон, хёвдинг, прозванный Черноголовым, ввожу этого человека в права на имущество, которое даю ему, в права на деньги и подарки, на сидение и поселение, на возмещения и виры (вдруг меня зарежут и Медвежонку будет не под силу унести весь выкуп самостоятельно?), на все личные права, как если бы его мать была куплена за мунд. То бишь стала бы моей законной супругой.

Засим я всунул ногу в ритуальный сапог. После чего ту же операцию проделал Вихорёк, а за ним – Свартхёвди, поскольку других родичей-мужчин у меня не было. Равно как и одаля, то есть наследственной родовой земли. Если бы таковая была, то потребовалось бы согласие всех совладельцев-наследников. Впрочем, никаких прав распоряжаться моим имуществом без моей дополнительной санкции у парня, несмотря на все красивые слова, не появилось. Только если меня грохнут. Однако и в этом случае мои нажитые несправедливой деятельностью богатства отходили в распоряжение моей законной супруги (когда мы поженимся официально) и Медвежонка, а уж они должны были решить, какую дольку отстегнуть младшему партнеру.

Однако после вышеописанной процедуры бывший монастырский пастушок стал полноценным гражданином Сёлунда и Дании и уже в этом качестве вошел в состав моей «младшей» дружины вместе с третьим сыном сёлундского богача Кольгрима Каппи Обжорой, сынком моего соседа Скейва Рысье Ухо Тори и еще пятью недорослями, завербованными в мой, вернее, наш с Медвежонком хирд моим практичным побратимом. Почему практичным? Да потому, что вербовал он новобранцев, главным образом исходя из состоятельности их родителей. А когда я скромно намекнул насчет воинских способностей моих, вернее, наших будущих дренгов, Медвежонок похлопал меня по плечу и снисходительно пояснил, что удача родни передается из поколения в поколение, и что есть богатство, как не мерило этой самой удачи. А управляться с боевым железом он, Свартхёвди, молодняк научит без проблем. Тем более с моей помощью. Вон как я Скиди натаскал. Любо-дорого поглядеть! Да что там Скиди, даже старина Стюрмир нынче орудует мечом вполне осмысленно. А ведь еще год назад махал им, аки ледяной великан – дубиной, по принципу: сила есть...

Сила есть, подтвердил присутствовавший при том разговоре Стюрмир. Словом подтвердил и делом, ухватив Медвежонка за выю и нагнув оную до уровня пояса, потому что потягаться в грубой физической мощи со Стюрмиром мог разве что громадина Ове Толстый.

Доехали мы без приключений. Я передал Пэррика отцу Бернару, раздал подарки, порадовал Гудрун и домочадцев новостями о скором походе и вплотную занялся боевой подготовкой молодняка. Мне предстояло решить практически невозможную задачу: за ничтожное время сделать из увальней-недорослей что-то похожее если не на воинов, то хотя бы на квалифицированных ополченцев, способных, пусть втроем-вчетвером, противостоять хотя бы одному

среднестатистическому викингу.

И вот сейчас нам с Медвежонок предстояло перевести эту задачу из области чистой фантастики в область грубой реальности. Иначе нас всех просто убьют.

Медвежонок, как и я, прекрасно понимал, что одиннадцать полноценных воинов и восемь недорослей – нормальная команда для торгового кнорра, но для ведения успешных боевых действий – пшик. Так что сразу после возвращения мы с ним расположились на завалинке, приняли пивка из резервных запасов и устроили мозговой штурм и породили свежую идею: парни должны обучиться залповой стрельбе из-под прикрытия. Например, из-за борта драккара. Потому что на открытом месте молодежь будет для врагов чем-то вроде живых мишеней сначала и «пособиями» для рубки – чуть позже. Идея насчет именно залпового огня была чисто моей, но Медвежонок понравилась. Если они будут подниматься все разом, а потом так же дружно прятаться, их шансы словить тушкой копье уменьшаются в разы.

Воплощать свою учебную программу мы начали немедленно.

Я выделил некоторое количество второсортных стройматериалов, из которых мои бойцы соорудили имитацию палубы и бортов. Вот на этом неказистом макете мы и стали отрабатывать слаженность в стрельбе.

В моем маленьком хирде имелись два настоящих специалиста по стрелковому делу: Дик и Вилли, коренные англичане. Белку в глаз с тридцати – сорока метров – не вопрос. А о человеках и говорить нечего.

На ступень ниже в стрелковом мастерстве находился магометанин Юсуф. Но этот вообще боец-универсал. Разве что в классическом скандинавском строю работал посредственно. Примерно как я.

За Юсуфом следовал Вихорёк. Талантливый парнишка. И старательный. Следующим в «табели» шел Скиди. Общим боевым классом он Вихорька превосходил на голову, а в стрельбе немного уступал лишь потому, что лук – это не его. Вот меч – другое дело. Тут он рос стремительно. Если вспомнить его первый настоящий поединок – с тогда еще не моим, а посторонним хускарлом Гуннармом Гагарой, то тогда парень выиграл исключительно за счет психологии и

придуманной мною тактики. Теперь же Скиди рубился с Гагарой, считай, на равных, и я бы даже сказал – с неплохими шансами на победу, будь бой настоящим. Правда, со времени их первого поединка мой ученик стал значительно габаритнее.

Но в отличие от норогов, которые к стрельбе относились пренебрежительно, Скиди всё ещё оставался моим учеником. А поскольку я считал, что мастер должен в совершенстве владеть любым оружием, то луку Скиди тоже уделял немало времени. Могучим волевым усилием отрывался от молодой жены – и уделял.

А норогов я к стрельбам даже не привлекал. Эта троица – вполне законченные бойцы. Отличная тяжелая пехота. И швырковое копье им куда привычнее лука. На короткой же дистанции у копья все преимущества, потому что из местного лука пробить доспех можно только по чистой случайности. А уж в щите стрела точно увязнет. Зато качественный копейный бросок «выносит» противника при любом попадании. Тут разница примерно как между спортивным «марголиным» и «орлом пустыни».

Если по уму, то половину молодых тоже надо было под копья затачивать: здоровенные бугаи эти коренные сёлундцы. Однако я все же решил поставить на лук. В дуэли на копьях с теми же Гуннарами мои новобранцы проиграли бы вчистую. Брошенное сыном Рысьего Уха копье Гуннар Гагара «вынимал» из воздуха с десяти шагов и тут же возвращал обратно, причем Скейв не то что поймать – даже отбить опасный снаряд толком не мог. То щит потеряет, то краем его по морде получит. А было б копье не тупое, а с железком, тут бы молодая жизнь веселого сёлундского парня и оборвалась бы. У меня же не было оснований думать, что боец, с которым Скейв столкнется в реальном бою, окажется подготовлен хуже, чем Гуннар Гагара. Со стрелой хотя бы «обратки» не будет. И сам выстрел из лука меньше времени занимает.

Впрочем, был у меня среди молодежи подходящий кандидат и для копьеметания: Хавур Младший Хакисон.

Хавур значит – козел. По мне, так я бы парня не козлом окрестил, а бычарой. Здоровья – выше крыши, реакция хорошая, координация еще лучше. Вот с соображаловкой проблема... Вернее, никаких проблем, поскольку соображения – минимум. Однако у меня в команде уже есть один такой. Стюрмир его зовут.

Вот Стюрмиру я и отдал под опеку великанистого козлика. Кстати, в имени Козел, по здешним понятиям, – ничего позорного. Как раз наоборот. Круто. Козлы – тягловые животные самого Тора Громовержца. Агрессивны, любвеобильны... Словом, почетные зверьки.

Но, поскольку моя новая тактика требовала максимальной плотности залпа, Хавура я тоже определил в стрелковый разряд. Специализацию потом пройдет. Сейчас мне надо, чтобы его не прибили в первой же схватке, а сам он при этом получил возможность нанести противнику максимальный урон.

Тренировались мы так. На макет «борта» устанавливались щиты. За щитами прятались стрелки. По моей команде, голосовой или свистку, девять стрелков дружно вскакивали и били в заранее распределенные мишени. Одна стрела за прием. Вскочил, стрельнул, спрятался. Тактика оказалась выигрышная. Уже на шестой день сеанс «встал-стрельнул» занимал не больше секунды, выполнялся всеми одновременно и распределение целей тоже можно было считать вполне удовлетворительным. Так же как и меткость. В целом. Пришло время переходить к работе по движущимся целям. В этом качестве я предложил выступить моих «тяжеловесов»: Медвежонка, Стюрмира и норогов.

Тут вышло похуже. Несмотря на плотный огонь (тупыми стрелами, разумеется), трое из пятерых добежали до стрелков и учинили «резню». А в реальном бою добежали бы четверо, потому что стрела в ляжку вряд ли остановила бы Стюрмира.

После двух дней «встречных» боев результат сдвинулся в лучшую для стрелков сторону. Теперь добежали максимум двое, а чаще – один Свартхёвди, который даже вне «режима берсерка» обладал фантастической реакцией и сбивал практически все стрелы. Само собой, если лучшие стрелки, Дикон, Уилл и Юсуф, сосредотачивались на Медвежонке, то успевали его «стреножить», но тогда потери среди остальных нападающих оказывались минимальными. А если прорывались трое, то для моей «стрелковой дюжины» наступали скверные времена. В ближнем бою нормально работали только Юсуф и Скиди, остальные были просто мясом для рубки.

Я уж и так и эдак пытался научить молодежь действовать совместно, но тщетно. Все они имели отличный потенциал. Почти все умели работать с копьём на

уровне «взять кабана» (дело непростое, по собственному опыту знаю), прилично метали топоры и даже неплохо держали строй. В спокойном состоянии. Если их чередовать матерыми бойцами. Тем не менее перемахнувший через условный «борт» Стюрмир среди моих недорослей чувствовал себя как лис в курятнике. А ведь парни не боялись, потому что знали, что их не убьют: отделаются синяками. В реальном бою будет только хуже.

Я злился. Не при обучающихся, разумеется. Изливал свое недовольство на Медвежонка. А тот меня успокаивал традиционным: вспомни Скиди. Тоже ведь ни хрена не умел, а сейчас – полноценный дренг.

Вот только Скиди на начальном этапе обучения впахивал как заводной, а половина молодых, на мой взгляд, откровенно ленились. Типа, мы и так здоровые. Торопиться некуда. Научимся. Пришлось мне даже выбрать «мальчика для показательной порки» – Каппи Обжору. Этот сынок богатея-коннозаводчика, мало того что сам норовил выполнить урок даже не вспотев, так еще и над Младшим, который честно впахивал, мерзко потешался. Наверное, по привычке. Хавур воспитывался у них в семье, и по-моему, на правах бедного родственника. Я бы их «стравил», но это не дало бы результата, потому что уровень владения оружием у молодых был примерно одинаковый, а Хавур к тому же относился к Каппи с изрядным почтением. Так у них сложилось. Тоже понятно: Каппи – явный лидер, предприимчивый, быстро соображающий, язвительный, а Хавур из тех, кто делает, что скажут. Причем делает честно и старательно. Будь Каппи – правильного мировоззрения, я бы эту связь ломать не стал. Но мировоззрение у него было... Как у балованного сыночка олигарха. Так что будем вычищать его из альфа-самцов. Не хочу я видеть лидером Каппи. Не нравится он мне в качестве лидера. И в игре, которая называется «игнорируем бывшего пастуха-словенина», он – заводила. На хрена мне лидер, который отсекает перспективного члена команды только по национальному признаку. Не по-нашему это, не по-викингски.

Короче, я придумал план по психологической коррекции. И попутно – замены неформального лидера формальным. И откладывать его реализацию не стал. Как только увидел, что программа «залп» работает более-менее терпимо, объявил обучаемым, что настала пора экзаменов. Я даю им день отдыха для накопления сил, а потом – военно-спортивные состязания. Открытые.

Глава пятая,

в которой герой планирует будущее и наслаждается семейными ценностями

Отдых у молодежи был условный. Я отправил их на лесозаготовки. Дело в том, что мой новоприобретенный раб Пэррик пришел в рабочее состояние. Качественная кормежка и медицинская помощь отца Бернара сотворили маленькое чудо. Непоследнюю роль играло и то, что отец Бернар оказался не просто его соотечественником, а еще и священнослужителем. То есть мой будущий зодчий обрел вожделенную возможность получить отпущение грехов. На мой взгляд, грехов у него было куда меньше, чем, например, у меня, но после соответствующего ритуала душевное состояние моего трэля тоже заметно улучшилось. Надо полагать, он понял, что и в плену у кровожадных язычников тоже можно жить.

Как только он чуток оклемался, я поставил ему задачу: хочу двухэтажный отапливаемый дом. Деревянный, но на каменном фундаменте.

Пэррик первым делом уточнил: какой уровень защищенности должен быть. К примеру, делать ли вход с первого этажа или сразу со второго?

Я уточнил: возможность правильного штурма моего жилища мы отмечаем. Но от лихих людей защита должна быть. Опять же надо учесть, что вокруг должен быть крепкий забор, а внутри – всякие полезные помещения, вроде конюшни, амбара и прочего. Свой старый дом я намеревался отдать под казарму. Местная братва любит традиции, вот пусть и живут традиционно: в чаду и полутьме.

Затем мы занялись выбором места для будущего строительства. То, самое красивое, на холме, которое выбрал я, Пэрриком было решительно забраковано.

Раз уж я в первую голову ставлю комфорт, а уж потом – безопасность, то строить надо там, где до него не доберутся злющие зимние ветра, от которых так натерпелся бедный трэль в прошлую зиму. Что ж, он – мастер. Ему и карты в руки.

Я сконтактировал зодчего с Хавчиком и повелел последнему обеспечить строительство всем необходимым: материалами, рабочими руками... И не

скаредничать, потому что барин желает всё самое лучшее.

Практичный раб тут же решил сэкономить. Мол, древесину для строительства можно заготовить прямо сейчас. Вон у меня сколько квалифицированных лесорубов, пользы от которых никакой. Только жрут в три горла да день напролет железяками машут.

А что? Осмысленное предложение.

Вот так свободный день у моих недорослей плавно перетек в лесозаготовительные работы. Причем годная часть древесины предназначалась на стройку, а та, что поплоче, – на оборудование спортплощадки.

Надо будет попозже еще и тренировку с камнями устроить. Дому фундамент нужен.

– Что это ты задумал? – поинтересовалась Гудрун, узнав о готовящемся строительстве.

Что ж, она имеет право знать. Будущая жена, как-никак.

Я усадил ее рядышком, поцеловал в ушко, начертил на земле план будущего дома и попытался объяснить, как он будет выглядеть.

Не поняла.

Тогда я сложил конструкцию из щепочек.

Опять не поняла. Пространственного мышления у нее не было (откуда?), и двухэтажных строений она в жизни не видела, поскольку нигде, кроме Сёлунда, не бывала.

Так что я объяснять перестал и увел свою невестушку в заветный домик на берегу и поступил с ней «традиционно». Нет, всё-таки превосходные обычаи у викингов. В других культурах пришлось бы до самой свадьбы отказаться от возможности приласкать любимую.

Кстати, о свадьбе. Пока мои бойцы рубили лес (в этом деле они разбираются куда лучше меня), мы скатались к матушке Рунгерд.

Пока мама с дочкой обсуждали дела грядущего осенью бракосочетания, я тетешкался с сыном. С моим сыном.

Так вышло, что первой моей любимой на славном острове Сёлунд стала не моя невеста Гудрун, а ее замечательная во всех отношениях матушка: красавица-колдунья с королевскими манерами и огненным темпераментом. От этой самой огненной страсти и появился на свет маленький Хельгу. То есть для всех, кроме нас с Рунгерд, его папой числился некий неопределенный бог (для мистичных скандинавов – нормальная ситуация), но вскорости, а точнее, сразу после нашей свадьбы, я намеревался усыновить малыша по всем местным законам, что юридически производило Хельгу в мои прямые наследники.

Впрочем, жить он всё равно останется с матерью. И это правильно. На фига младенцу страшный волосатый папа? Хотя насчет «страшный» это я загнул. Ни фига этот карапузик не боялся. Ни меня, ни собак, ни вырезанных из дерева страшных дядек – домашних богов.

Сын – это здорово! Вырастет – будет со мной в вики ходить. И Вихорёк, который к тому времени станет могучим воином, будет его опекать. На правах старшего названного брата. Ну да к этому времени мы с Гудрун ему еще братьев заделаем. И сестричек парочку.

* * *

– Не знаю, зачем я так поступила, мама, – с искренним огорчением проговорила Гудрун. – Ульф спрашивал меня... Я не знала, что ответить. Брат сказал: Гримар едва не убил его... А Ульф не стал его убивать. Тоже не понимаю – почему.

Нож в ее руках мелькал, как стрекозиное крылышко. Отделенные от костей рыбные ломти аккуратными горками выстраивались на разделочной доске. Горок было много. Накормить несколько десятков человек – непростое дело. Хотя для Гудрун – дело привычное. Ей нравилось готовить. Такой у нее дар. И еда получалась не хуже, чем пиво.

– Это дела мужчин, – сказала Рунгерд.

– Может, и так. – Гудрун подхватила следующую рыбку, живую, зевающую жабрами. Взмах ножа – и отсеченная голова плюхнулась в деревянную кадуюшку с объедками. Еще один взмах – туда же отправились потроха. – Но я бы убила любого, кто попробовал бы отнять у меня Ульфа. – Еще один промельк ножа – и две пяди рыбьей плоти разошлись, обнажив позвоночник.

Всякий, кто взглянул бы сейчас на то, как Гудрун управляется с ножом, ни на миг не усомнился бы в том, что ее угроза – не пустые слова. И правильно.

– Это в тебе говорит кровь твоего отца Сваре Медведя, моя маленькая Гудрун. Порченная кровь.

– Это что же: я могу стать оборотнем? – Нож остановился. – Ты никогда мне об этом не говорила, мама!

– Нет, оборотнем ты не станешь, – успокоила ее Гудрун. – Ярость Одина не для женщин. Но кровь отца может столкнуть тебя с правильной дороги. Заставить сделать то, что делать не надо. Сделать что-то, чтобы кровь пролилась.

– Убить кого-то?

– Или понуждать мужчин убивать друг друга.

Рунгерд бросила взгляд на воду в котле: вот-вот закипит...

– Я не хотела смерти Гримара! – воскликнула Гудрун. – Он же наш родич!

– Он – дурень! – заявила Рунгерд сердито. – Я бы сказала ему об этом, да он не станет меня слушать, потому что я – женщина. Такие, как он, думают, что мир принадлежит им. И таким частенько достается желаемое. Если богам это угодно. Однако они тут же теряют полученное. Часто – по собственной глупости. Гримара Короткая Шея из-за собственной глупости едва не расстался с жизнью.

– Но Гримара мог сам убить Ульфа! – возразила Гудрун. – И остался бы в живых.

Нож вновь замелькал, превращая здоровенную рыбину в аккуратные светлые пластинки.

– Нет, дочь моя, – Рунгерд покачала головой. – Если бы Гримар убил твоего будущего мужа, твой брат убил бы Гримара.

– За что? Ведь поединок был чистым? Брат не должен был мстить за пролитую кровь родича!

Вода закипела, и Рунгерд высыпала в нее две полные мерки зерна.

– Свартхёвди и не стал бы мстить, – сказала женщина. – За кровь родича не стал бы. Он убил бы его потому, что твой будущий муж – это почти что он сам. Свартхёвди жив, потому что побратим подарил ему эту жизнь. Теперь они связаны крепче, чем те, кого соединила Фрейя. Он убил бы Гримара, и никто не обвинил бы его в убийстве.

– Потому что это внутреннее дело рода? – Последняя рыбина лишилась головы.

– Потому что твой брат – из воинов Одина. Он – берсерк. А берсерк – это рука Всадника Слейпнира[11 - Слейпнир – восьминогий жеребец Одина.]. Человек может объявить поединок чистым перед людьми, но боги могут решить иначе. Но это не беда. Беда в другом... – Она помолчала немного, потом проговорила нехотя: – В твоём будущем муже слишком много жалости. Она может привести его к гибели. Он слишком много думает о других. Старается позаботиться обо всех. О чужих. Даже о рабах... А со своими он так нежен и мягок, что те, кто поглупее, начинают сомневаться в его силе.

Вода в котле вновь забурлила.

Гудрун побросала туда рыбу, затем кликнула мелкую девку-рабыню, чтоб прибралась и отнесла свиньям потроха.

Рунгерд тем временем нашинковала душистую травку. Но в котел не отправила: рано еще.

– А мне нравится, что он – нежен, – мечтательно произнесла Гудрун, вытирая руки листьями мяты и затем ополаскивая их в миске с водой. – Знаешь, мама, он действительно очень нежен. Не похож на других мужчин. Не потому, что он черноволос и маленького роста, – тут же добавила она, – а потому, что он... не знаю, как сказать... Когда мы с ним любим друг друга, я забываю, какого он роста... Он может быть огромным, как великан... С огромным мужским копьём... Хотя оно у него не очень-то велико, ты знаешь... – Гудрун смущенно хихикнула.

– Почему ты думаешь, что я знаю, каков его жезл Фрея? – ровным голосом произнесла Рунгерд, откладывая в сторону нож.

– Ну как же... Ты ведь лечила его. И я кое-что видела...

– Что же? – еще более спокойно проговорила Рунгерд.

– Как его копьё изготавливалось к бою... – Гудрун засмеялась. – Многие мужчины желают с тобой возлечь, мама, потому что ты очень красива. Ульф, думаю, тоже был бы не прочь... Но хотел понастоящему он только меня! – Девушка счастливо улыбнулась. – Я почувствовала это, едва увидела его. Он так хотел меня тогда, что даже превратился в камень. А когда он впервые обнял меня... Здесь, в этом доме, на пиру, у меня даже голова закружилась. Она и теперь кружится, когда он обнимает меня, но тогда я не знала мужчин и не знала, как это бывает... сладко. Но... догадывалась.

– Это редко бывает сладко, – сказала Рунгерд. – Когда твой отец брал меня, чаще было не сладко, а больно. Она опустила на скамью. Дочь присела рядом.

– Мне тоже было немного больно... – сообщила Гудрун. – В первый раз. А потом так хорошо! Я бы сутками не вставала с ложа, будь моя воля... – Еще одна мечтательная улыбка. – Когда я обнималась с Эйвиндом Харальдсоном, когда он был моим женихом... Мне тоже было хорошо. Но Ульф – он... Я плыву в нем, как в озере. А еще... Мне хочется его убить. И себя тоже. Чтобы больше ничего не было. Чтобы мы остались такими навсегда... Хочу, чтоб ты знала: если его убьют, я взойду на его костер!

– Глупости, – дрогнувшим голосом проговорила Рунгерд. – Боги его любят... Все его любят... А если такое всё же случится, то ты останешься жить и растить его сыновей. Ты же не какая-то там влюбленная тир... У тебя есть долг перед

предками... Но Гудрун ее не слушала.

- Может быть, в нем кровь бога, мама? - мечтательно прошептала она. - Или - вана? Человек не может быть таким разным...

- Человек может многое, - Рунгерд обняла дочь, прижала ее голову к груди... чтобы та не увидела, как слезы текут по лицу матери. - Тебе досталось очень много счастья, доченька. Будь осторожней! Боги ревнивы к человеческому счастью.

- Но если Ульф сам бог, так пусть себе ревнуют... - пробормотала Гудрун.

- Ты должна быть очень, очень осторожна, - настаивала Рунгерд. - Ты вспомнила сына вестфольдского конунга? Ты знаешь, почему он умер? - Эйвинд сломал хребет. Ты же сама так сказала.

- Ты не поняла. Я спросила: почему он умер, а не от чего. Если меч срубает кому-то голову, то виноват не меч, а тот, кто держит его в руке. А еще вернее, то, что привело убитого к смерти. А Эйвинда Харальдсона к смерти привела ты.

- Думаешь, было бы лучше, если бы Эйвинд стал моим мужем?

- Если бы это было лучше, то умер бы не он, а Ульф Вогенсон. Или нет... Но одно можно сказать точно: Эйвинд умер из-за тебя. Это обычное дело. Мужчины убивают друг друга, когда хотят получить женщину. Убивают за право владеть такими, как мы. А уж боги решают, кому отдать это право. Но ты должна знать, дочь Сваре Медведя: только боги решают, когда должна пролиться кровь. Боги или Закон. Но не ты. Даже если оружие, причинившее смерть, в твоей руке. Думай об этом так. Это правильно.

- Боги... - мечтательно проговорила Гудрун. Она не очень внимательно слушала мать. Слишком сложно... - Я бы хотела посмотреть на бога, мама. Мой Ульф... Он - как бог. Но все же не бог, - девушка засмеялась. - Мама... Можно тебя спросить... Мой брат Хельгу... Он действительно сын бога, как говорят люди? - Да, - чуть слышно ответила Рунгерд.

– Значит, ты видела бога? Ты была с ним? С богом? Это был бог? Да? – Гудрун обратила к матери восторженное лицо и осеклась: – Мама, ты плачешь?

– Да, – овладев собой, твердо произнесла Рунгерд. – Да. Это был бог.

Глава шестая

Пусть победит лучший!

Поглядеть на бесплатное шоу съехались все соседи. С чадами-домочадцами, женами, рабами, запасом еды и выпивки. Но побездельничать им не удалось. Я настропалил Свартхёвди, и тот мигом организовал строительную команду из нескольких десятков человек. Стадион строить. Древесина (из той, что не годна на нормальное строительство) была уже заготовлена, так что за топоры, уважаемые гости.

Топоры у многих были с собой, а у кого не было, тем выдали. Датчане – мужики рукастые. Еще до полудня тренировочный городок был готов. Включая полноценный, в натуральную величину, макет корабля, то бишь забор в высоту борта со скамейками изнутри, носовой и кормовой частью. Даже имитацию мачты соорудили. Заинтригованы все были донельзя. Нельзя сказать, что скандинавы никогда не проводили тренировки с использованием всяких конструкций. Отрабатывали и посадку-высадку с драккара, и взятие городищ, но подход был другой. Например, при высадке упор делался на скорейшее формирование строя, а кто как десантируется – без разницы. Кто быстрее, тот и молодец. Все получалось более-менее организованно, но лишь потому, что бойцы одного хирда сами по себе – организованная структура. Они привыкли – вместе. И играть (игры – те же тренинги), и сражаться. Чувствовать в бою соратника, прикрывать его, если требуется, и не сомневаться, что он прикроет тебя. Но такое изумительное взаимодействие отрабатывалось годами действий боевых. Кто не вписывался в команду, тот отправлялся к рыбам. Естественный отбор. Но у меня не было времени на естественность. Мне нужен был пригодный к употреблению коллектив уже через месяц. И я над этим работал.

Начали с командных состязаний. Молодняк – на макете кнорра, старшие – снаружи, за щитами, перегородками и прочими элементами пейнтбола. Старшие – это нореги, англичане с Юсуфом, Скиди, Стюрмир и Медвежонок. Последний – за главного. На кнорре – семеро новобранцев, Вихорёк и я. Девять на девять. Если объективно, то одного Медвежонка было достаточно, чтобы положить всю мою команду. Но я загодя предупредил всех, включая норегов и Скиди: не усердствуйте. Дайте молодежи проявить себя. Судьей был назначен Ове.

Он же грохнул по щиту, открывая игру.

Зрители тут же заорали, да так, что заглушили боевой клич атакующих. Подбадривали родичей.

Тактика Свартхёвди была ожидаема и очевидна. Он выстроил боевую группу из норманов, Стюрмира и Скиди с собой во главе и двинул это маленькое войско на штурм. Англичане и Юсуф спрятались за бревнышками и прикрывали пехоту, меча стрелы. Целили исключительно в меня. И хорошо. Шестьдесят метров – слишком большая дистанция, чтобы меня мог достать стрелок, которого я вижу.

– Бей! – рявкнул я во всю мочь, чтобы перекрыть гвалт и грохот, создаваемый лупившими по щитам норегами.

Меня услышали. Залп получился отличный. Но в «мясо» попала только одна стрела. Как потом выяснилось, Вихорька. Гуннар Морской Кот выбыл из игры.

А у нас еще минимум три залпа. Среднестатистический викинг пробегает пятьдесят метров секунд за семь-восемь, но в данном случае никто не спешил. – Стюрмир! Бей!

Молодцы, мальчики. Большой парень получил аж три стрелы в ноги. И еще одна стрела досталась бегущему слева от Стюрмира Скиди. В скулу. Я выругался. У наших стрел вместо наконечников – восковые нашлапки. Вреда от них немного. Но если бы попало в глаз...

Третий залп вывел из строя Гуннара Гагару.

Отличный итог. Ну теперь моя очередь.

Я прыгнул навстречу взлетающему над «бортом» Свартхёвди, рубанул по ногам, но Медвежонок сбил удар нижним краем щита и тут же вздернул щит вверх, прикрывая голову... И из-под щита сунул клинок мне в живот. Клинок я отбил... Но не спасло. Прилетевшая от англичан стрела угодила мне в шею. Больно, однако. Я опустил оружие... И Медвежонок сделал то же самое. Пока он занимался мной, кто-то из молодняка попал ему в ногу, значит, по условиям игры Свартхёвди тоже выбыл.

Мы встали рядышком «на корме» и смотрели, как молодежь сражается с Хагстейном.

Нормально так встретили. Моих осталось пятеро. Двоих подстрелили. Каппи, Тори, Хавур Младший и почти такой же рослый, как Хавур, Грендель Улитка успели похватать щиты и копья и сомкнуться, причем сделали это грамотно, поставив Хагстейна между собой и англичанами, которые вышли из-за укрытий, но в рукопашку не торопились, работали дистанционно.

А вот Юсуф со всех ног мчался на помощь Хагстейну. Его пытался остановить Вихорёк, но подстрелить мусульманина было проблематично. Меньшую часть стрел (учебные все же, не боевые) Юсуф сбивал щитом, большая часть летела мимо, потому что мусульманин был глазастый и прыгал в сторону каждый раз, когда Вихорёк отпускал тетиву. Оп! Подстрелили самого Вихорька.

Тем временем Хагстейн взялся за дело, не дожидаясь подмоги. Его прозвали Хогспьёт, Рубящее Копье, и прозвище он получил не зря. Даже с защищенным наконечником хогспьёт оставался оружием, удар которого был способен вышибить меч и свалить с ног. Мои неоперившиеся орлята, сгрудившись и работая в четыре копья, попытались достать норега. Копья у молодежи тоже учебные – без наконечников. И мечи – деревянные. Дать им даже тупое железо я не рискнул. Контролировать удар, как взрослые дяди, они пока не умеют. Но тупыми копьями молодые ширяли в Хагстейна довольно-таки бодро. Казалось, вот-вот достанут. И не боялись норега ничуть, хотя вид у Хагстейна Хогспьёта – жуткий. Чистый тролль. Громадный, зубастый, рожа бородищей заросла – по самые шлемные «глазницы», лапищи длинные, как у гориллы, и такие же волосатые. И рывкает, аки зверь рассвирепевший.

А юнцы мои на грозность – ноль внимания. Знай себе тыкали копьями, силясь кольнуть грозного хускарла.

Но не достали, потому что норег этого не позволил. Щит его полетел в голову Тори. Тот пригнулся, прячась за собственным щитом, и – громкий треск. Это копьё Тори взлетело в воздух и другим концом треснуло по шлему Каппи Обжору. Тот от неожиданности уронил щит... На ногу Улитке.

Тупой конец рубящего копья Хагстейна был окован железом, а поверху туго обмотан шерстяной тряпкой. Но железо-то никуда не делось. Бац! – и Обжора в нокауте. Валится, открывая правый бок Хавура Младшего. Тот пытается защититься, но куда там! Проворот хогспьёта – и зачёт. Маховый удар рубящего копья не всякая броня остановит. В нашем случае Хагстейн удар придержал (не ломать же парню ребра), но Хавур выбыл. Тори... Тори метнул собственное копьё в голову Хагстейна и схватился за похожий на бумеранг учебный деревянный топор. Норег без труда уклонился от броска, перехватил нацеленное в него копьё Улитки, дернул на себя так, что Грендель Улитка оказался между ним и Тори, затем, не мудрствуя лукаво, врезал Улитке коленом в пах. И тут же толкнул Гренделя на Тори, который не нашел ничего лучшего, чем подхватить падающего товарища. За что немедленно и поплатился. Тюк! Замотанное в тряпку широкое железко хогспьёта толкнуло его точно в лоб.

Юсуф не добежал до корабельного макета. Зачем спешить, если дело уже сделано.

А что зрители? А зрители были впечатлены. Зеленая и жидкая, как птичий помет, молодежь оказала серьезное сопротивление матерым хускарлам. Само собой, многие понимали, что крик Ове Толстого «Скиди, ты убит!» не был эквивалентен настоящей смерти в реальном бою, но все здесь были настоящие скандинавы, а скандинавы любят игры. И кстати, знают, что даже в игре могут убить по-настоящему.

Вот почему мне было особенно приятно, что ни у кого не было серьезных травм. А почему? А потому, что я – молодец! С воском это я придумал. И получил одобрение настоящих лучников: мол, так даже лучше, чем вообще без наконечника. Баланс у стрелы более правильный.

Но состязания еще не закончены. Это было шоу для зрителей, а теперь самое главное – личные поединки. И тут уж травмы будут, потому что из защиты я

разрешил оставить только шлемы, поддоспешники и рукавицы. Даже щиты боевые заменил малыми, почти кулачными. А еще сказал, что по результатам состязаний выберу из них старшего и дам ему долю наравне с дренгами. Остальные же так и останутся «на испытательном сроке».

Недорослей у меня было восемь:

Вихорёк, носивший теперь гордое имя Виги;

Тори, сын Рысьего Уха, не обладающий особыми достоинствами, кроме выдающейся даже для скандинава наглости;

Каппи Обжора, сынок Кольгрима-коннозаводчика, ловкий, хитрый, с гипертрофированным чувством собственной значимости;

Хавур Хакисон Младший, здоровенный не по годам; Грендель Улитка, тоже здоровенный и тоже тугодум;

Ренди Черный, четвероюродный братец Медвежонка по материнской линии и ничем, кроме этого родства и старшего брата-хирдмана, не примечательный;

Нотт Поросенок, получивший свое прозвище за круглую ряшку и соответствующую форму носа;

Эйлаф Печеная Репа, обязанный прозвищем шраму от ожога на правой щеке, и тоже, как и Ренди, дальний родич Свартхёвди.

Такая вот молодежь. Самому старшему, Тори, семнадцать. Самым младшим, Ренди Черному и Вихорьку, – по четырнадцать. То есть все тинейджеры, но, поставь всех, кроме Вихорька, со мной в одну шеренгу, я окажусь в хвосте. Крупные ребяташки растут в здешних селениях.

Первая пара: Нотт Поросенок и Ренди Черный. Оружие одинаковое: деревянный меч и маленький щит. Ренди – левша, и меч у него, соответственно, в левой руке – таких здесь не переучивают, ставят замыкающим на правый фланг.

Мечами оба владеют... Нет, скорее, не владеют, а пользуются примерно одинаково.

Поросенок крупнее и наглее. Сразу полез нахрапом... И – подставился. Словил справа по шее. Щитто – в другой руке. Крепко словил, до крови. Ренди аж подпрыгнул от радости.

Новая пара: Эйлаф и Тори. Эти сразу вошли в бессмысленный махач. Аж треск пошел. И достали друг друга оба, и оба – случайно. Однако Тори лишь чуток цепанул Эйлафа по левой руке, а Печеная Репа со всей дури рубанул противника под щит, по левому боку. Не будь у местной человеческой породы такие крепкие кости, парочку ребер точно сломал бы. Так что победу я безусловно отдал ему.

Хавур и Грендель. Два бычка, в будущем обещавших вырасти в полноразмерных бугаев. Это уже интереснее.

Хавур от природы хорош да еще кое-какое обучение прошел в доме Кольгрима, нанявшего для этого дела одного из мастеров-ветеранов из хирда Сигурда Кольцо, папы нашего конунга Рагнара Лотброка.

У Гренделя богатого папы не было. Вообще никакого не было – не вернулся из вика, но зато имелся дядя по матери, тоже ветеран морских дорог, который и заложил в Улитку базовые основы боевого фехтования. Так что сошлись они более-менее грамотно и достаточно активно. Улитка, кстати, прозвище свое получил не за физические особенности, а потому, что на любой вопрос, кроме «жрать хочешь?», отвечал с паузой в четверть минуты. Ничего так, проворная Улитка получилась.

Но Хавур всё равно был лучше. В скорости не уступал, дистанцию чувствовал отменно, а организованностью движений и силой заметно превосходил противника.

Последнее и случилось. Могучий удар деревянного меча развалил Гренделев щит, заодно и по руке приложив неслабо. Но поскольку меч был деревянный, то после сего молодецкого удара осталась от него половина. Однако Младший не растерялся: сократил дистанцию, сбив щитом встречный удар, и так мощно ткнул обломком Гренделю в живот, что того согнуло пополам. Пожалуй, будь этот обломок из железа, и кольчуга бы такой удар не остановила.

Хотя будь меч из железа, то и не сломался бы.

Вихорёк и Каппи. Из скандинавских недорослей Каппи, безусловно, лучше всех управляется с рубящим оружием. Что с клинком, что с топором. Не самый сильный, зато самый техничный и самый хитроумный. Потому как умеет в процессе голову подключать.

В этом его преимущество перед куда более здоровенным Хавуром Младшим. Пока – только в учебном бою, потому что могучий удар тоже нужен, иначе доспех не пробить, не говоря уже о щитах и шлемах. Но я вижу у Обжоры неплохой потенциал. Если самодовольную дурь из башки выбить. Вот этим Вихорёк сейчас и займется. Фехтовального опыта у бывшего пастушка всего ничего по здешним меркам: год. Но зато учили его не абы как – по паре часов в неделю, а каждый день, пока не выдохнется. Если время позволяло. И, опять-таки, не абы кто, а мы с Медвежонком, что вообще идеально, потому что у меня – школа, а у Свартхёвди – охрентельные способности преподавателя. А если добавить к этому ярко выраженное желание Вихорька стать воином и кое-какой опыт настоящих схваток, то Каппи предстояло сразиться с достойным противником.

Тем не менее молодой Кольгримсон был абсолютно уверен в себе. Он был крупнее, сильнее, старше, вдобавок – хорошего рода, а о Вихорьке все знали, что он был у франков рабом-трэлем, пока я его из грязи не поднял. Конечно, с формальной точки зрения Вихорёк-Виги и Каппи – равны с тех пор, как я официально принял Вихорька в род. Но всё равно коренные недоросли глядели на парнишку свысока, обращаясь к нему, слова цедили через губу и в команду свою, как я уже отметил ранее, не принимали. Что было заметно и во время сегодняшнего общего тренинга: Каппи, Хавур, Грендель и Тори – в одном строю, а Вихорёк – отдельно. И в тренировках с ним в пару старались не становиться. И потому с ним чаще всего работал Скиди. Или я. Или Медвежонок. В зависимости от того, кто проводил тинейджерскую тренировку. Поэтому датские тины привыкли видеть, что Вихорёк – в абсолютном проигрыше. Особенно это было заметно, когда против него работал Скиди. Поэтому Каппи вышел на «арену», безусловно, уверенный в победе. И даже что-то такое сказал...

Пренебрежительное. И – хоп! Деревянным мечом по наглой роже – это больно.

Все: и зрители, и участники – разочарованно зашумели. Они ожидали, что я остановлю поединок: ударто – «смертельный». А я взял и не остановил. И Каппи,

застывший столбом, с разбитыми губой и носом, схлопотал еще раз. Уже по уху. Плашмя (пожалел Вихорёк), но тоже неприятно. Скиди засмеялся. Громко и обидно. Его смех подхватили...

– Каппи Кольгримсон! – рявкнул я. – Долго ты намерен столб изображать? Может, на тебе сети сушить пора?

Тут Обжора наконец очнулся. Оскалился грозно, прошамкал разбитыми губами что-то типа: «Порву тебя, маленький свинопас!» И накинулся на Вихорька со всей классовой беспощадностью.

Тыць! Каппи согнуло пополам. Колющий с вложением корпуса – в солнечное сплетение, это очень неприятно. Не будь на Каппи поддоспешника и не будь Вихорёк легче его в полтора раза, пришлось бы Обжоре экстренную помощь оказывать. А так – ничего. Продышался. Вихорёк же добивать противника не стал. В бою – добил бы, но здесь же – свои. Тут не убивают, тут – учатся.

Своим благородным поведением Вихорёк немедленно заслужил одобрение народа. Даже папа Кольгрим выкрикнул что-то позитивное в его адрес. А вот сыну досталась совсем другая реплика. Ну конечно, это обидно. Ты бабки вкладываешь, тренера нанимаешь, а сынок показывает боевой уровень: «баба со скалкой».

Продышался Обжора. И, что особенно приятно, собрался. Понял, что имеет дело с серьезным противником. Осознал, что схлопотал отнюдь не случайно. И показал породу. То бишь задатки настоящего викинга. Во-первых, признал боевые качества противника, сплюнул кровавую соплю и процедил: «А ты хорош, маленький Виги!» – а во-вторых, резко изменил тактику и стал именно таким, каким должен быть: внимательным, собранным и осторожным.

Вихорёк тоже понял, что перед ним теперь другой соперник. Впрочем, ему было всё равно, ведь его учил я, и учил тому, что, каким бы ни был противник, ты должен относиться к нему серьезно.

Дальше стало совсем интересно. Манера ведения боя у Вихорька и у Каппи совершенно разная. Обжора – типичный викинг. Сила и натиск. Простые финты и длинные махи. Вихорьку это было знакомо. Но сам он работал гибче и точнее. Двигался аккуратнее, не пренебрегал колющими, норовил зайти сбоку, не

отбить клинок противника, а связать, провести удар вдоль атакующего меча...
Моя школа, короче.

Каппи не подловил его ни разу. Зато Вихорёк дважды вклепил с прыжка по шлему Обжоры, когда тот пытался «отрубить» Вихорьку ногу. И только на третий раз Каппи прикрылся щитом.

Нет, пару раз он тоже достал Вихорька, но то были неакцентированные удары, не способные нанести настоящую рану. Так, мелкую царапину. Это как в спортивном фехтовании: если рапира не согнулась на определенный угол, укол не защитывается.

Закончил Вихорёк тоже красиво: увел щитом деревянный клинок Каппи, резко сократил дистанцию и упер свой меч Обжоре в кадык.

Вот теперь всё. Бой закончен.

Но не состязания. Мне надо было, чтоб Вихорёк победил еще парочку товарищей по команде. Так что – полуфинал.

Нотт против Хавура. Эйлаф Печеная Репа – против Вихорька.

Эйлаф – Вихорьку не противник, так что пусть малыш передохнет. А Нотту полезно поработать с тем, кто физически сильнее.

Нотт не понял. Ринулся на соперника, как инеистый великан... на скалу. С тем же эффектом. Младший даже не шелохнулся. Принял на щит, шагнул вперед и толчком отбросил Поросенка метров на десять. Тот влетел спиной в зрительскую линию... Где ему тут же придали обратное ускорение (в первых рядах, как водится, самые матерые), и полетел Поросенок навстречу сопернику. Полетел, однако, правильно: меч выставив и щитом прикрывшись. Ударил, аки копьем (мимо), сбил щитом косой сверху... и растянулся на земле после ловко проведенной подсечки. И опять не растерялся: кувыркнулся вперед и пришел в стойку раньше, чем стормозивший малость Хавур осуществил добивание. Народ завопил восторженно. Нотт не понял, что это в его честь, но повел себя наконец правильно: застыл, предлагая Хавуру право атаки.

И Хавур атаковал. Слева, справа, финтом снизу, косым справа... Во всю мочь.

Похоже, до сих пор я недооценивал Поросенка. Он выстоял. Причем щит его тоже уцелел, потому что пользовался им парень грамотно, с уводом. Хавур ускорился. Похоже, до сих пор он не бился, а так, баловался. Деревянный меч запел в воздухе.

Блин! Не сломал бы он Нотту что-нибудь... Поросенку ускоряться было некуда. И он проиграл. Получил по правой руке (очень больно, несмотря на толстую рукавицу) и выронил меч, и Младший тут же долбанул его слева. То есть для себя слева, а Нотту прилетело как раз справа. Причем – по голове. Да с такой силой, что второй меч Хавура тоже треснул. Вот же вредитель!

– Стоять! – рявкнул я, потому что увидел: Поросенок «поплыл».

Хавур четко отшагнул назад и замер в боеготовности. Но я не собирался продолжать поединок. Подошел к Нотту, заглянул в мутные глаза:

– Ты проиграл, – сообщил я. – Но это – не главное. Главное: ты проявил умение и храбрость, а для воина – это важнее победы. Ты понял меня? – Да, хёвдинг, – глаза чуток прояснились.

– Хавур, – повернулся я к победителю, – возьми новый меч и докажи, что ты достоин стать дренгом. Вихорьку я ничего говорить не стал. Лишь подмигнул.

Ну, с Богом. Я видел, что Вихорёк чуток отдышался после боя с Обжорой, а Хавур, тот вообще не устал.

Мне бы его генетику.

Давид и Голиаф. Вихорёк меньше на голову и в полтора раза легче. Однако все видели его предыдущий бой и не сомневались, что Хавуру придется попотеть, чтобы одолеть малыша. В том, кто победит, подавляющая часть зрителей не сомневалась. Исход схватки оставался неясен только для нас с Медвежонком. Ну ничего. Даже если Хавур выиграет, всё равно Каппи Обжору Вихорёк побил по всем статьям. Так что глядеть на него свысока Кольгримов сынок больше не посмеет.

Начали. Хавур немедленно пошел в атаку. На его стороне сила, длина конечностей и, пожалуй, быстрота. Зато Вихорёк куда лучше двигается. И это сразу стало заметно тем, кто понимает. Толпа, конечно, сразу завопила, поддерживая Хавура. Во-первых, Младший – свой, во-вторых, молодец: гоняет противника, как здоровый кобель – мелкую шавку. И только умеющие наблюдать видели, что Вихорёк не убегает, а уходит. Точными перемещениями заставляет Хавура не только промахиваться, но и делать множество ненужных движений. Если бы я не решил воздержаться от ставок, то сейчас уверенно поставил бы на Вихорька. Потому что Младший рубил, а Вихорёк вел бой, фехтовал. Однако комплекция и сила тоже имеют значение, поэтому достать Хавура он пока не мог. Но Вихорёк не торопился. Выжидал, бесстрашно пропуская меч Младшего чуть ли не впритирку. А Хавур, разозленный тем, что удары его меча рубят исключительно воздух, да и щитом треснуть малявку никак не удается, всё наращивал и наращивал темп, выкладываясь до конца.

Вообще-то он молодец, Хавур. Рубит точно и мощно, умело сбивает щитом редкие ответные выпады и давит, давит в надежде, что Вихорёк наконец ошибется и поймает плюху.

А Вихорёк не ошибался. И я уже видел, почему. Хавур работал по схеме. Правильными отработанными связками. Точно как учили. А учили его так потому, что на его уровне подготовки связка – это самый эффективный вариант боя. Но вот беда для Младшего: Вихорёк все эти связки знал. И сейчас ему было просто. Он ведь умел даже Скиди противостоят... некоторое время. А Скиди был на класс выше Хавура, и отработанные комбинации не были для него догмой. Он чувствовал противника и бил туда, где открыто. Хавура Скиди поймал бы на первом же выпаде.

А Младший, наконец, начал выказывать признаки усталости. Не удивительно. Пять минут – с полной выкладкой. Без передышки. Он продолжал напирать... Но движения его замедлились, следовательно, встречные атаки Вихорька, который тоже устал, но значительно меньше, стали чаще и опаснее. Хавур забеспокоился, сбился с личного ритма. Он уже дышал широко открытым ртом, потому как здорово запыхался... Ему бы уйти в защиту... Но вместо этого он собрал оставшиеся силенки и ринулся в последний решительный бой... И через полминуты «сдох», поплыл, как недавно Нотт от удара по голове. И Вихорёк понял, что Младший – целиком в его власти. Но измываться не стал. Хлопнул Хавура мечом по ляжке, кольнул в живот, «добил» несильным рубящим по шее. Всё. Он чемпион.

Ух как я был горд. За какой-то год из пастушонка – в бойцы. В дренги. Моя работа. Ну, может, не только моя, но стиль-то мой. Это сразу видно. Знаете, как это приятно, когда ученик перенимает лучшие темы учителя? Я – знаю. Сначала – Скиди, потом – Вихорёк. Мне есть чем гордиться.

– Что ж, теперь мы знаем, кто из вас, восьмерых, лучший воин, – резюмировал я, выстроив молодняк на тренировочном поле. – Виги, сын мой, отныне ты – дренг, с правом на полную долю добычи!

Сразу стало шумно. Надо отдать должное проигравшим, они тоже приветствовали Вихорька, который прям-таки потерялся между крупными данами. Совсем как я. Ничего. В отличие от меня, малыш еще может подрасти.

Потом был пир. Главным образом, из привезенных зрителями припасов. Но мы тоже внесли свою долю: Медвежонок вчера сбегал на охоту и убил оленя. Мясо замочили в бочке приготовленного Гудрун «маринада», от запаха которого непривычного человека могло бы и стошнить. Однако жаркое получилось правильное. Отменного вкуса и запаха, причем удивительно мягкое, если учесть, что в основе было мясо старого самца, жесткое, как мозоли Стюмира.

Соседи, чьи детки не были рекрутированы Свартхёвди, вокруг меня так и вились. Это ж какая круть: полтора месяца тренировок – и восемь тинейджеров, без посторонней помощи, «завалили» четверых «полнометражных» хирдманов. А один так даже принят в экипаж не юнгой-стажером, а, как большой, с правом на долю добычи.

Я с трудом отбилась от предложений. Сказал, что набором рекрутов в нашей команде занимается мой брат Свартхёвди.

Пусть тиранят Медвежонка. Он – берсерк, его боятся.

В общем, покушали, выпили, поплясали – и на боковую.

А если по-честному, то мне было чертовски приятно. С того времени, как я, чужак, приобрел свое поместье, прошло всего-ничего. А теперь я – свой. А быть здесь своим – это здорово. На моей прежней родине я такого не видел. А здесь

прочувствовал еще позапрошлой зимой, когда все эти люди без раздумий подхватились и бросились защищать меня от свирепых вестфольдингов.

Да, еще я, по наводке вездесущего Хавчика, договорился о найме строителей.

Эх! Славно будет не в сараюхе на соломе Гудрун мою обнимать, а на широкой кровати. Да еще чтоб уголья в камине и тишина вокруг. И полы не глиняные, а нормальные.

И всё это у меня теперь будет... Если я вернусь из Иварова вика.

Но к черту пессимизм! Не если, а когда. Вернусь и гобелен трофейный на стенку повешу. С оленями.

Вот так!

Глава седьмая

Политика, пьянка и открытый контракт с Иваром Рагнарсоном

Утром у меня состоялся разговор с моими англичанами. Потому что я вдруг сообразил: идем-то мы грабить их соотечественников!

О том, куда двинет походом Ивар, в моей команде пока знали только мы с Медвежонком. Но тайной это не было, и я спросил напрямик: хотят ли они идти со мной или предпочтут остаться здесь?

Если не пойдут, я пойму.

Не поняли – меня.

Дик с Уиллом переглянулись, потом Дик осторожно спросил: а в чем, собственно, дело? Надо, чтобы кто-то остался охранять мою усадьбу? Так это, если по совести, надо жребием решать.

– Так Англия же, – сказал я. – Это же земля ваша...

Оба удивились. Почему это – наша? Мы ж не из Англии, а из Нортумбрии. И я с некоторым удивлением узнал, что Англией называется лишь часть будущей Великобритании. Есть еще Эссекс, Мерсия и так далее. В каждой области – свой король, который спит и видит, как бы захватить земли соседей. В общем, знакомая картина.

Но даже поход на Нортумбрию Дика с Уиллом не смущал. Наоборот, они были не прочь наведаться на историческую родину и показать кое-кому, где раки зимуют.

Выяснилось, что относительно недавно эта самая Нортумбрия была завоевана королем Эссекса. Но многим знатным нортумбрийцам такая смена власти, мягко говоря, не понравилась. А Дикон и Уилл числились бойцами как раз такого тана. Тана этого превентивно, чтоб не говорил против власти, ухайдокал какой-то там олдермен. Причем олдермен был, что особенно обидно, коренной нортумбрийский и действовал с полного одобрения короля-захватчика. Хотя цель у него была если не благородная, то вполне объяснимая. Землю, что принадлежала тану и тем, кто впоследствии стали моими хирдманами, олдермен присвоил.

А Дику с Уиллом пришлось быстренько делать ноги, чтобы не дрыгать ими в метре над землей.

И закончилось это бегство, считай, на другой стороне мира, на скамье арабской галеры. Есть еще вопросы к бравым английским викингам? Вопросов у меня не было.

Через два дня мы с Медвежонком сели на лошадок и двинули в Роскилле. Узнавать план будущего вика. Еще я взял с собой Вихорька. Раз паренек числится моим сыном, мне следует побольше с ним общаться. Воспитание – это ведь не только научить полезным в жизни и быту навыкам типа протыкания вражеской печени. Куда важнее научить паренька правильно мыслить и внедрить в его подростковое сознание верный, то есть мой, ясное дело, моральный кодекс.

А что может быть лучше для таких занятий, как не многочасовая поездка верхом по безопасной местности? Делать-то всё равно нечего. Только языком трепать.

* * *

На центральной, то есть рыночной площади Роскилле, там, где обычно вершил правый и скорый суд Рагнар-конунг, мы увидели здоровенную толпу, состоящую в основном из вооруженных мужчин.

– Хольмганг? – оживился Свартхёвди, спешился, бросил Вихорьку: – Присмотри за лошадами!

И полез вперед, бесцеремонно расталкивая суровых сёлундских мужиков, которые, может, и возмутились бы, будь на месте Медвежонка кто другой. Но «читать» правильные татуировки здесь умел каждый, а идти на конфликт с берсерком – нэма дурных, как говаривала моя прабабушка. Ну а в кильватере грозного побратима в первые ряды пробился и маленький я. Нет, это был не хольмганг. Но всё равно интересно.

Супротив Рагнара стояло с полдюжины разгневанных мужчин, которых я раньше не видел. И предводитель их разговаривал с нашим конунгом с такой дерзостью, которую мог себе позволить либо очень смелый, либо очень глупый человек.

– Кто это? – спросил я у оказавшегося по соседству Красного Лиса, который, по праву уважаемого вождя, тоже занимал козырное место в первых рядах.

– Халлбьёрн Шейный Платок. Ярл из Сконе, – поведал ирландец.

– А почему такой храбрый? – поинтересовался я.

– Он говорит голосом Харека, конунга всех данов, – пояснил Красный Лис. – Думает, что это защитит его от гнева нашего Рагнара.

– А это действительно так?

– Может, и так. Но ты ведь слышал: Рагнар Лотброк сам его дерзость поощряет.

- Ничего я не слышал. Мы только что приехали.

- Тогда, чтоб ты знал: Халлбьёрн пришел сюда высказать обиду. Кто-то из наших ограбил и сжег поместье одного из богатых сконских бондов. Хорошую добычу взял, надо думать, - с откровенной завистью произнес Красный Лис. - А Халлбьёрну Харек-конунг повеление дал: сопли сконцам утирать, если избидят. Вот он и разоряется.

- А что Рагнар?

- Нашему конунгу на обиды сконцев плевать, - сообщил Красный Лис. - И Харека-конунга он не боится, так что обидчика выдавать не станет. Тем более что доля с взятого на сконском бонде, уверен, уже у него в сундуках лежит. Да Рагнар бы уже давно половину Сконе к рукам прибрал, только повода нет.

- А нужен повод? - удивился я.

Для таких, как Рагнар Лотброк, само желание хапнуть - уже достаточный повод.

Ответил не Лис, а Медвежонок.

- Без повода нельзя, - пояснил он. - Боги у нас и у сконцев - одни. Вдруг обидятся и отнимут у Рагнара удачу?

- А если этот Шейный Платок Рагнару надерзит, боги не станут обижаться, да? - Кажется, до меня начал доходить нехитрый план Лотброка, и я с сочувствием поглядел на красавца ярла. Ну зачем этот пес главного датского конунга сунулся в медвежью берлогу? Хотя тут тоже понятно: бывают ситуации, когда приходится идти на смертельный риск, дабы не потерять лицо и самоуважение.

- Дерзости мало, - сказал Медвежонок. - Надо, чтобы Халлбьёрн Рагнара оскорбил. И дал повод пролиться крови.

- А разве кровь уже не пролилась? - удивился я. - Не верю, что наши не убили кого-то из сконцев...

- Так то сконцы... - пренебрежительно бросил Медвежонок.

– ...Это преступление, за которое несет ответ не только тот, кто его совершил, но и тот, кто отказался выдать убийцу! – воскликнул ярл Харека. – Я требую... – Ты требуешь?!

Это рявкнул не Рагнар, а его сын Убба. Молодой, но почти такой же здоровенный, как и папа.

– Скажи еще раз – и...

– Помолчи! – резко оборвал Уббу Рагнар. И уже – Халлбьёрну: – Вот что бывает, когда сыновья становятся воинами. Они забывают, как правильно вести себя в присутствии старших. Так что ты сказал о том человеке? Ты ведь даже не знаешь его имени, а называешь его убийцей. Может, ваш бонд сам напал на него, нарушив священные законы гостеприимства. Такое бывает, знаешь ли. Алчность. Старые обиды. Кто может утверждать, что там случилось, если никого не осталось в живых?

– Рыбаки видели драккар, уходивший в сторону Сёлунда!

Рагнар засмеялся. И его смех подхватило еще с полсотни глоток. Халлбьёрн-ярл продолжал говорить, но какое-то время я ничего не слышал.

Потом смех стих и до меня донеслось:

– ...умер на следующий день, но он успел сказать, что это были твои люди. Из Сёлунда.

– ...И ты в это веришь? – ухмыльнулся Рагнар. – Конечно верю! Зачем умирающему врать?

– Согласен. Незачем. Но разве ты сам его слышал? – Мне точно передали его последние слова!

– Кто? Пара трэлей? – Рагнар широко улыбнулся, показав неплохие для его возраста зубы. – Может, на тинге Харека Младшего[12 - Предшественник этого датского конунга тоже носил имя Харек.] и готовы слушать тех, кто спит со свиньями и сам ничуть не лучше свиньи, но у нас, на Сёлунде, не привыкли

слушать пороссячье хрюканье. Не хочешь ли обратиться к Высоким?

Я не сразу сообразил, что Рагнар имеет в виду богов, но народ ухватил идею с лёту, и гвалт поднялся – как на птичьем базаре в период гнездования.

Убба Рагнарсон, выпятив грудь, выдвинулся поперед батьки, но за его спиной вдруг нарисовался Ивар Бескостный, и Убба, хоть и покрупнее братца габаритами, как-то сразу стушевался и отошел на второй план.

Обворожительная улыбка Ивара Рагнарсона, полагаю, вызвала бы несварение желудка у средних размеров тролля.

Гвалт поднялся еще на десяток децибелов... И перешел в разочарованный гул.

Я не слышал, что ответил Халлбьёрн, но догадаться было нетрудно. Ни он сам, ни его свита не рискнули предстать перед судом, где главный судья ангажирован ответчиком. Для большинства населения Дании самым авторитетным богом является Тор. Но не здесь. В Роскилле вопросами божественного правосудия ведает исключительно Один. А Ивар, как всем известно, его любимчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вик – поход. Военный. Как правило, разбойничий.

2

Один – главный бог скандинавского пантеона. Одноглазый, беспощадный, коварный... И мудрый, что характерно. Желаящим узнать его поближе, рекомендую поинтересоваться, при каких обстоятельствах Один остался без глаза. Ах да. Его еще называют Отцом Воинов. И Отцом Лжи. А любимые его птицы – во?роны.

3

Дренг в данном случае – младший боец скандинавской дружины-хирда.

4

Небольшое поместье.

5

Напомню для интересующихся градацию уровней внутри скандинавской дружины-хирда. Младшие, дренги, примерно соответствуют нашим отрокам. Следующий уровень – хускарлы. За ними – хольды. Эти – вроде десятников. За хольдами – хёвдинги-вожди. Что-то вроде сотников. Впрочем, хёвдинги могут действовать и самостоятельно. Также этот термин означает юридически значимого человека, Законоговорителя... Специалисты наверняка оспорили бы мою «табель о рангах», поскольку единого мнения о том, что именно значил, например, термин «хускарл» в описываемое мною время, у историков нет. Но для удобства себя и читателя я предлагаю остановиться именно на таком варианте.

6

Харек Второй Младший, датский конунг с 853 года, сначала закрыл церковь в Хедебю, но через год снова ее открыл и разрешил построить церкви в Риве и Бирке.

7

Согласно скандинавской «теории мира», Муспельхейм – расположенная на юге страна огненных великанов.

8

Богиня вечной юности и хранительница яблок, которые эту юность даруют.

9

Скандинавское название Ладоги.

10

Константинополь.

11

Слейпнир – восьминогий жеребец Одина.

12

Предшественник этого датского конунга тоже носил имя Харек.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/vozhd-vikingov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)